

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 51

1989

Варлам ШАЛАМОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

«СУЧЬЯ» ВОЙНА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 51

Издается с января 1925 года

Варлам ШАЛАМОВ

«СУЧЬЯ» ВОЙНА

ОЧЕРКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Тяжело читать прозу Шаламова. В ней много пространства, которое одинаково способно и увлечь взгляд, и остановить его. Сейчас колымские рассказы прочли многие и почувствовали, что холод вечной мерзлоты, тюрем и лагерей, вся свинцовая тяжесть муки мученической как-то неожиданно преодолеваются путем чтения. Совершается, — если уместно в трезвое наше время произнести это, — некое таинство, волшебство. Да, писательство — это путь из неволи.

В предлагаемых читателю «Огонька» очерках преступный мир, точно так же как и глубоко родственный ему сановно-репрессивный бюрократический аппарат сталинщины, нашли в Шаламове бесстрашного исследователя и неподкупного судью.

Скоро люди прочтут страницы «Четвертой Вологды» и Вишеровского антиромана, блестящие статьи о литературе, рецензии, письма. Однако с начала 60-х и до середины 80-х годов Шаламова знали только как поэта, и чаще всего виделись мы с ним в отделе поэзии журнала «Юность», где все эти годы печатались его стихи, вплоть до последней в августе 1981 года прижизненной публикации. (Умер В. Т. Шаламов в январе 1982 года.)

У него была легкая походка. Это казалось невероятным для человека едва ли не двухметрового роста, с могучим разворотом плеч, с той совершенно богатырской статью, которой природа все реже наделяет людей; но в этот раз она щедра была не понапрасну — то, что вышло Варламу Тихоновичу Шаламову, было неминуемо тяжело, трагично.

Он появлялся всегда внезапно, неслышно проходя редакционные коридорами, — я уже говорил, как легок был его шаг, — усаживался, закидывая ногу на ногу и сплетая пальцы рук на остром колене. И все же в этой его, казалось бы, совершенно статичной позе таилось много движения. Иногда подолгу молчал. Но всем в его присутствии было хорошо и спокойно, как будто по соседству с большим и сильным деревом. Говорил мало, преодолевая некоторую затрудненность речи, с застенчивостью, свойственной прямодушным натурам. И каждая фраза странным образом походила на него, и стихи были похожи на него: строгость, аскетичность и, может быть, даже суровость слога сопутствовали достоинству глубокой оригинальной мысли, отваге и бесстрашию сердечного порыва.

Варлам Тихонович Шаламов родился в Вологде в 1907 году. Отец поэта Тихон Николаевич после окончания семинарии был православным миссионером на Алеутских островах. Он памятен как человек широких прогрессивных воззрений. Его возвращение в Вологду в 1905 году пришлось на мятежные дни первой русской революции. За отправленные панихиды по жертвам черносотенцев, которая явилась открытым вызовом реакции, был временно лишен права священнослужения. Важно, думаю мне, вспомнить эти обстоятельства, чтобы лучше представить неслучайность тех черт характера поэта, которые не без основания иногда называют врожденными: чувства справедливости и неодолимого стремления доискаться истины. Впрочем, это родовые черты русской интеллигенции.

Окончив школу, В. Т. Шаламов с 1924 года работал дубильщиком на кожевенном заводе в Кунцево. В 1926—1929 гг. учился на факультете советского права в МГУ. (Об этой поре жизни повествуют «Записки студента университета», которые опубликованы в «Юности» с предисловием Дмитрия Сергеевича Лихачева.) Потом грянул первый арест и за ним тяжелые работы на строительстве Березниковского химкомбината. Через четыре года вернулся в Москву, чтобы активно заниматься журналистикой; его рассказы, очерки, стихи широко печатаются. Это счастливое время обретения первых читателей, время первого литературного признания. Оно предшествовало иному времени. Поэт не только призван, но и способен защитить от беды, однако сам нередко беззащитен. Подобно многим в 1937 году он был оклеветан и несправедливо осужден. Он сполна испил горестную чашу страданий и мук и только чудом выжил. Пятидесятые годы принесли освобождение и полную реабилитацию. Варлам Шаламов с головою погружается в литературную жизнь столицы, много и жадно работает. Сближается с Б. А. Пастернаком, который высоко ценил его поэтическое дарование. В издательстве «Советский писатель» выходят книги его стихов: «Огниво», «Шелест листьев», «Дорога и судьба», «Московские облака», «Точка кипения». И все же основной материал шаламовских дум и трудов оставался закрытым. Сейчас мы приближаемся к нему. У В. Шаламова были особые отношения со словом, он верно и строго служил слову, и оно служило ему. В этой взаимности не было и тени компромисса, а всегда присутствовала готовность к самопожертвованию — так друг служил другу.

Н. ЗЛОТНИКОВ

ЖУЛЬНИЧЕСКАЯ КРОВЬ

Как человек перестает быть человеком?

Как делаются блатарями?

В преступный мир приходят и со стороны: колхозник, отбывший за мелкую кражу наказание в тюрьме и связавший отныне свою судьбу с уголовниками; бывшие стилиаги, уголовные деяния которых приблизили их к тому, о чем они знали лишь понаслышке; заводской слесарь, которому «не хватает денег» на удалые гулянки с товарищами; люди, которые не имеют профессии, а хотят жить в свое удовольствие, а также люди, которые стыдятся просить работу или милостыню, — на улице или в государственном учреждении — это все равно, и предпочитают отнимать, а не просить. Это дело характера, а зачастую примера. Просить работу — это тоже очень мучительно для больного, уязвленного самолюбия «оступившегося» человека. Особенно подростка. Просить работу — унижение не меньшее, чем просить милостыню. Не лучше ли...

Дикий, застенчивый характер человека подсказывает ему решение, всю серьезность и опасность которого подросток просто не в силах, не может еще оценить. У каждого человека в разное время его жизни бывает необходимость решить что-то важное, «переломить судьбу», и большинству это важное приходится делать в молодые годы, когда опыт мал, а вероятность ошибок велика. Но в это время также мала и рутина поступков, а велика смелость, решительность.

Поставленный перед трудным выбором, обманутый художественной литературой и тысячей обывательских легенд о таинственном преступном мире, подросток делает страшный шаг, после которого подчас нет возврата.

Потом он привыкает, озлобляется окончательно, и сам начинает вербовать молодежь в ряды этого проклятого ордена.

В практике этого ордена есть одна важная тонкость, вовсе не замечаемая даже специальной литературой.

Дело в том, что этим подземным миром правят потомственные во-
ры — те, у которых старшие родственники — отцы, деды или хотя бы дяди, старшие братья были уркаганами; те, которые выросли с раннего

детства в блатных традициях, в блатном ожесточении ко всему миру; те, которые не могут променять своего положения на другое по понятным причинам; те, чья «жульническая кровь» не вызывает сомнения в своей чистоте.

Потомственные воры и составляют правящее ядро уголовного мира, именно им принадлежит решающий голос во всех суждениях «правил», этих «судов чести» блатарей, составляющих необходимое, крайне важное условие этой подземной жизни.

Во время так называемого «раскулачивания» блатной мир расширился сильно. Его ряды умножились — за счет сыновей тех людей, которые были объявлены «кулаками». Расправа с «раскулаченными» умножила ряды блатного мира. Однако никогда и нигде никто из бывших «раскулаченных» не играл видной роли в преступном мире.

Они грабили лучше всех, участвовали в кутежах и гулянках громче всех, пели блатные песни крикливей всех, ругались матерно, превосходя всех блатарей в этой тонкой и важной науке сквернословия, в точности имитировали блатарей и все же были только имитаторами, только подражателями.

В сердцевину блатного мира эти люди допущены не были. Редкие одиночки, особенно отличившиеся — не своими «героическими подвигами» во время ограблений, но усвоением правил блатного поведения, участвовали иногда в «правилках» высших воровских кругов. Увы — они не знали, что сказать на этих правилках. При маленьких столкновениях, — а каждый блатарь весьма истеричная особа, — чужакам напоминали их «чуждое» происхождение.

— Ты — порчак! А открываешь хавало! Какой ты вор? Ты волжский грузчик, а не вор! Ты — олень самый настоящий!

«Порчак», т. е. «порченный фраер» — фраер, который уже перестал быть фраером, но еще не стал блатарем («Это еще не птица, но уже не четвероногое» — как говорил Жак Паганель у Жюль Верна.) И «порчак» терпеливо сносит оскорбления. «Порчаки» не бывают, конечно, хранителями традиции воровского мира.

Для того чтобы быть «хорошим», настоящим вором, нужно вором родиться; только тем, кто с самых юных лет связан с ворами, и притом с «хорошими, известными ворами», кто прошел полностью многолетнюю науку тюрьмы, кражи и блатного воспитания, достается решать важные вопросы блатной жизни.

Каким ты видным грабителем ни будь, какая тебя ни сопровождает удача, ты всегда останешься чужаком-одиночкой, человеком второго сорта среди потомственных воров. Мало воровать, надо принадлежать к этому ордену, а это дается не только кражей, не только убийством. Вовсе не всякий «тяжеловес», вовсе не всякий убийца — только потому, что он — грабитель и убийца — занимает почетное место среди блатарей.

Там есть свои блюстители чистоты нравов, и особо важные воровские секреты, касаемые выработки общих законов этого мира (которые, как и жизнь, меняются), выработки языка воров, «блатной фени», — дело только блатарской верхушки, состоящей из потомственных воров, хотя бы там были только карманники.

И даже к мнению мальчика-подростка (сына, брата какого-нибудь видного вора) блатной мир будет прислушиваться больше, чем к суждениям «порчаков» — пусть они будут хоть Ильями Муромцами в грабительском деле.

И «марьян» — женщин блатного мира будут делить в зависимости от знатности хозяина... И получают сначала обладатели «голубой крови», а в последнюю очередь — «порчаки».

Блатари немало заботятся о подготовке своей «смены», о выращивании «достойных» продолжателей их дела.

Страшный мишурный плащ уголовной романтики ярким маскарадным блеском привлекает юношу, мальчика, чтобы его отравить своим ядом навсегда.

Этот фальшивый блеск стекляруса, выдающего себя за алмаз, повторен тысячей зеркал художественной литературы.

Можно сказать, что художественная литература, вместо того чтобы заклеить уголовщину, сделала обратное: подготовила почву для расцвета ядовитых ростков в неопытной, неискушенной душе молодежи.

Юноша не в силах сразу разобраться, разглядеть истинное лицо уркаганов, а потом бывает уже поздно, он оказывает содействие вору, сблизившийся с ними любой, даже самой малой, близостью — уже заклеял и обществом, а со своими новыми товарищами связан на жизнь и смерть.

Существенно и то, что в нем самом уже копится личная озлобленность, появляются личные счеты с государством и его представителями. Ему кажется, что его страсти, его личные интересы приходят в неразрешимый конфликт с обществом, с государством. Ему кажется, что он платит слишком дорого за свои «проступки», которые государство называет не проступками, а преступлениями.

Его манит и извечная тяга юности к «плащу и шпаге», к таинственной игре, а здесь «игра» не шуточная, а живая кровавая игра, по своей психологической напряженности не идущая ни в какое сравнение с постными «Учениками Иисуса» или «Тимуром и его командой». Творить зло гораздо увлекательней, чем творить добро. С застучавшим сердцем входя в это воровское подполье, мальчик рядом с собой видит тех людей, которых боятся его папа и мама. Он видит их кажущуюся независимость, ложную свободу. Хвастливое их вранье мальчик принимает за чистую монету. В блатарях он видит людей, которые бросают вызов обществу. Вместо нелегкого добывания трудовой копейки юноша видит

«щедрость» вора, «шикарно» разбрасывающего ассигнации после удачного грабежа. Он видит, как пьет и гуляет вор, и эти картины разгула далеко не всегда отпугивают юношу. Он сравнивает скучную, повседневную, скромную работу отца и матери с «трудом» воровского мира, где надо быть, кажется, только смелым... Мальчик не думает о том, сколько чужого труда и чужой человеческой крови нагребил и тратит, не считая, этот его герой. Там есть всегда водка, «план», кокаин, и мальчику дают выпить, и восторг подражания охватывает его.

Среди своих сверстников, бывших товарищей, он замечает некоторое отчуждение, смешанное с боязнью, и по наивности своей детской принимает это отношение за уважение к себе.

А главное — он видит, что все боятся воров, боятся, что любой может зарезать, выколоть глаза...

В «шалман» является какой-нибудь Иван корзубый из тюрьмы и тысячи рассказов приносит с собой — кого он видел, кто за что и на сколько осужден — все это опасно и пленительно.

Юноша видит, что люди живут, обходясь без того, что бывает постоянной заботой в семье.

Вот юноша пьян по-настоящему, вот он уже бьет проститутку — бабун он должен уметь бить! — это одна из традиций новой жизни.

Юноша мечтает об окончательной шлифовке, окончательном приобщении к «ордену». Это — тюрьма, которой он приучен не бояться.

Старшие его берут «на дело» — на первых порах стоять где-нибудь «на вассере» (на страже). Вот уже и взрослые воры ему доверяют, а вот он ворует и сам, и сам «распоряжается».

Он быстро усваивает манеры, непередаваемой наглости усмешки, походу, выпускает брюки на сапоги особым напуском, надевает крест на шею, покупает шапку-кубанку на зиму, «капитанку» — летом.

В первую же свою тюремную отсидку он татуируется новыми друзьями — мастерами этого дела. Опыляемый знак его принадлежности к ордену блатарей, как Каиново клеймо, навечно нанесен синей тушью на его тело. Много раз после будет он жалеть о «наколках», много крови испортят они блатарю. Но все это будет после, много после.

Он давно уже овладел «блатной феней», воровским языком. Он бойко обслуживает старшим. В поведении своем мальчик боится скорее недосолить, чем пересолить.

И дверь за дверью открывает блатной мир перед ним свои последние глубины.

Вот он уже принимает участие в кровавых «правилах», «судах чести», и его, как и всех остальных, заставляют «расписаться» на трупе удушенного по приговору блатного суда. Кто-то сует ему в руки нож, и он тычет ножом в еще теплый труп, доказывая свою полную солидарность с действиями своих учителей.

Вот он и сам убивает по приговору старших указанного ему «предателя», «суку».

Среди блатных вряд ли есть хоть один человек, который не был бы когда-либо убийцей.

Такова схема воспитания молодого блатаря из юноши чужого мира.

Проще воспитываются представители «голубой крови», потомственные блатари или те, что никакой жизни, кроме воровской, не знали и не собирались ее знать.

Не нужно думать, что эти люди, из которых и выходят идеологи и вожди блатного мира, эти принцы жульнической крови воспитываются каким-то особенным, тепличным способом. Отнюдь нет. Их никто не оберегает от опасностей. Просто на их пути к вершинам или, вернее, к наиболее глубоким ямам блатного дна стоит меньше препятствий. Их путь проще, скорее, безоговорочней. Им раньше верят, раньше дают воровские поручения.

Но много лет юный блатарь, хотя бы его предками были самые влиятельные вельможи воровской среды, трется около взрослых бандитов, им боготворимых, бегаёт им за папиросами, подносит «огонька» прикурить, таскает «ксивёнки» — записки, всячески услуживает. Много лет проходит, пока его возьмут на кражу.

.

Вор ворует, пьет, гуляет, развратничает, играет в карты, обманывает фраеров, не работает ни на воле, ни в заключении, кровавой расправой уничтожает ренегатов и участвует в «правилках», вырабатывающих важные вопросы подземной жизни.

Он хранит блатные тайны (их немало), помогает товарищам по «ордену», вовлекает и воспитывает юношество и следит за сохранением в суровой чистоте воровского закона.

Кодекс несложен. Но за столетия он оброс тысячами традиций, святых обычаев, мелочное выполнение которых тщательно блюдет хранителем воровских заветов. Блатари — большие талмудисты. Для того чтобы обеспечить наилучшее выполнение воровских законов, время от времени устраивают великие, повсеместные подпольные собрания, где и выносятся решения, диктующие правила поведения применительно к новым условиям жизни, производятся (вернее, утверждают) замены слов в вечно меняющемся воровском лексиконе, «блатной фене».

Все люди мира, по философии блатарей, делятся на две части. Одна часть — это «люди», «жулье», «преступный мир», «урки», «уркаганы», «блатари», «жуки-куки» и т. п.

Другая — «фраера», т. е. «вольные». Старинное слово «фраер» одесс-

кого происхождения. В «блатной музыке» прошлого столетия много жаргонных еврейско-немецких слов.

Другие названия фраеров — «штымны», мужики, олени, асмодеи, «черти». Есть «порченные штымны», близкие к блатарям, и «битые фраера» — знакомые с делами блатного мира, разгадавшие их хотя бы частично, опытные, «битый фраер» — это значит опытный, произносится это с уважением. Это разные миры, и не только тюремная решетка разделяет их.

«Мне говорят, что я подлец. Хорошо, я — подлец. Я подлец, и мерзавец, и убийца. Но что из этого? Я не живу вашей жизнью, у меня жизнь своя, у нее другие законы, другие интересы, другая честность!» — так говорит блатарь.

Ложь, обман, провокация по отношению к фраеру, хотя бы к человеку, который спас блатаря от смерти, — все это не только в порядке вещей, но и особая доблесть блатного мира, его закон.

Хуже чем наивны призывы Шейнина к «доверию» преступному миру, «доверию», за которое уже заплачено слишком большой кровью.

Лживость блатарей не имеет границ, ибо в отношении фраеров (а «фраера» — это весь мир, кроме блатарей) нет другого закона, кроме закона обмана — любым способом: лезть, клеветой, обещанием...

Фраер и создан для того, чтобы его обманывали; тот, который настороже, который имел уже печальный опыт общения с блатарями, называется «битым фраером» — особая группа «чертей».

Нет границ, нет пределов этим клятвам и обещаниям. Баснословное количество всяких и всяческих начальников, штатных и нештатных воспитателей, милиционеров, следователей ловилось на немудреную удочку «честного слова вора». Наверное, каждый из тех работников, в обязанности которых входит ежедневное общение с жульем, много раз попадался на эту приманку. Попадался и дважды, и трижды, потому что никак не мог понять, что мораль блатного мира — другая мораль, что т. н. готтентотская мораль с ее критерием непосредственной пользы — невиннейшая по сравнению с мрачной блатарской практикой.

Начальники («начальнички», как их зовут блатари) неизменно оказывались обманутыми, одураченными...

А тем временем в городах с непонятным упорством возобновляли насквозь фальшивую и вредную пьесу Погодина, и новые поколения «начальничков» проникались понятиями о «честь» Кости-капитана.

Вся воспитательная работа с ворами, на которую ухлопали миллионы государственных денег, все эти фантастические «перековки» и легенды Беломорканала, давно ставшие притчей во языцех и предметом досужих острот блатарей, вся воспитательная работа держалась на такой эфемерной штуке, как «честное слово вора».

— Подумайте, — говорит какой-нибудь специалист по блатному миру, «начитанник» Бабеля и Погодина, — ведь Костя-капитан не то что дал «честное слово» исправиться. Меня, старого воробья, на этой мякине не проведешь. Я не такой уж фраер, чтобы не понимать, что дать честное слово им ничего не стоит. Но ведь Костя-капитан дал «честное слово вора». Вора! Вот ведь в чем штука. Уж этого своего слова он не сдержат не может. Его «аристократическое» самолюбие этого не допустит. Он умрет от презрения к самому себе, нарушившему «честное слово вора».

Бедный наивный начальник! Дать честное слова вора фраеру, обмануть его, а затем растоптать клятву и нарушить ее — это воровская доблесть, предмет хвастливых рассказов где-нибудь на тюремных нарах.

Много побегов было облегчено, подготовлено благодаря вовремя данному «честному слову вора». Если бы каждый начальник знал (а знают это только начальники, умудренные многолетним опытом общения с «капитанами»), что такое клятва вора, и по достоинству ее оценил — крови, жестокостей было бы гораздо меньше.

Но, может быть, мы ошибаемся, когда пытаемся связать два этих разных мира — «фраеров» и «уркаганов»?

Может быть, законы чести, морали, действуют в мире «жулья» по-своему, и мы просто не вправе адресоваться в мир блатарей с нашими моральными мерками?

Может быть, «честное слово вора», данное не фраеру, а «вору в законе», есть настоящее честное слово?

Это и есть тот романтический элемент, который волнует юношеское сердце, который как бы оправдывает, вносит дух некоей, хотя и своеобразной, «моральной чистоплотности» в воровской быт, в отношения людей внутри этого мира.

Быть может, подлость есть понятие разное для мира фраеров и для блатного общества? Душевными движениями уркаганов управляет, дескать, свой закон. И только встав на их точку зрения, мы и поймем и даже признаем «де-факто» специфичность воровской морали.

Так не прочь думать и некоторые блатари поумнее. Не прочь и в этом вопросе «запудрить мозги» простаков.

Любая кровавая подлость в отношении фраера оправдана и освящена законами блатного мира. Но в отношении к своим товарищам вор, казалось бы, должен быть честен. К этому зовут его блатные скрижали, и жестокая расплата ждет нарушителей «товарищества».

Здесь та же театральная рисовка и хвастливая ложь с первого до последнего слова. Достаточно посмотреть поведение законодателей блатных мод в трудных условиях, когда под руками мало фраерского материала, когда приходится вариться в собственном соку.

Вор покрупнее, «авторитетнее» (слово «авторитет» в большом ходу среди воров — «заимел авторитет» и т. п.), физически сильнее держится

угнетением воров поменьше, которые таскают ему пищу, ухаживают за ним. И если приходится кому-то идти работать, то на работу посылаются свои же товарищи послабее, и теперь от них, этих своих товарищей, блатная верхушка требует того же, что требовала раньше от фраеров.

Грозная поговорка «умри ты сегодня, а я завтра» начинает повторяться все чаще и чаще во всей своей кровавой реальности. Увы, в блатарской поговорке нет никакого переносного смысла, никакой условности.

Голод заставляет блатаря отнимать и поедать порции своих менее «авторитетных» друзей, посылать их в экспедиции, имеющие очень мало общего с правильным выполнением воровских законов.

Везде рассылают грозные записки («ксивы») с просьбами о помощи, и, если есть возможность заработать кусок хлеба, а украсть нельзя — те, что помельче, идут работать, «пахать». Их посылают на работу так, как на убийство. За убийство расплачиваются вовсе не главари, главари только приговаривают к смерти. Убивают мелкие вору, под страхом собственной смерти. Убивают или выкалывают глаза (весьма распространенная «санкция» в отношении фраеров).

В трудном положении вору также доносят лагерным начальникам друг на друга. О доносах же на «фраеров», на «Иван Ивановичей», на «политиков» и говорить нечего. Эти доносы — путь к облегчению жизни блатаря, предмет их особой гордости.

Рыцарские плащи слетают, и остается подлость как таковая, которой проникнута философия блатаря. Логическим образом эта подлость в трудных условиях обращается на своих товарищей по «ордену». В этом нет ничего удивительного. Подземное уголовное царство — мир, где целью жизни ставится жадное удовлетворение низменнейших страстей, где интересы — скотские, хуже скотских, ибо любой зверь испугался бы тех поступков, на которые с легкостью идут блатари.

(«Самый страшный зверь — человек» — распространенная блатная присказка, опять-таки в буквальности, в реальности.)

Представитель такого мира не может выказать духовной твердости в положении, угрожающем смертью или длительными физическими мучениями, он и не проявляет этой твердости.

Было бы большой ошибкой думать, что понятия «пить», «гулять», «развратничать» одинаковы с соответственными понятиями «фраерского» мира. Увы! Все «фраерское» выглядит крайне целомудренно в сравнении с дикими сценами блатарского быта.

В больничную палату к блатарям-большим (симулянтам и аггравантам, конечно) добирается (то ли по вызову, то ли по собственному почину) какая-либо зататуированная проститутка или «городушница», и ночью (пригрозив дежурному санитару ножом) возле этой новоявленной святой Терезы собирается компания блатарей. Все, кто имеет «жульни-

ческую кровь», могут принять участие в этом «удовольствии». Задержанная, не смущаясь и не краснея, объясняет, что «пришла выручить ребят — ребята попросили».

Блатари все — педерасты. Возле каждого видного блатаря выются в лагере молодые люди с набухшими мутными глазами: «Зойки», «Маньки», «Верки» — которых блатарь подкармливает и с которыми он спит.

В одном из лагерных отделений (где не было голодно) блатари приручили и развратили собаку-суку. Ее прикармливали, ласкали, потом спали с ней, как с женщиной, открыто, на глазах всего барака.

В возможность обыденности подобных случаев не хотят верить из-за их чудовищности. Но это — быт.

Был женский прииск, многолюдный, с тяжелой «каменной» работой, с голодом. Блатарю Любому удалось попасть туда на «работу».

«Эх, славно пожил зиму, — вспоминал блатарь. — Там, ясное дело, все «за хлеб, за паечку». И обычай, уговор такой был: отдаешь пайку ей в руки — ешь! Пока я с ней, должна она эту паечку съесть, а что не успеет — отбираю обратно. Вот я утром паечку получаю — и в снег ее! Заморожу пайку — много ли баба угрызет замороженного-то хлеба...»

Трудно, конечно, представить, что человеку может прийти в голову такое.

Но в блатаре и нет ничего человеческого.

В лагере дают на руки заключенным кое-какие деньги, какой-то остаток после оплаты «коммунальных услуг» в виде конвоя, брезентовых палаток на шестидесятиградусном морозе, тюрем, пересылок, обмундирования, питания. Остаток мизерен, но все же он — призрак денег. Масштабы смещены, и даже ничтожная «зарплата» — 20—30 рублей в месяц — вызывает интерес у заключенных. На 20—30 рублей можно купить хлеба, много хлеба — разве это не важная мечта, сильнейший «стимул» во время тяжелой многочасовой работы в забое, работы на морозе, в голоде и холоде. Интересы людей сужены, но интересы не стали менее сильными, когда люди стали полулюдьми.

Заработную плату, «получку», платят раз в месяц, и в этот день блатари обходят все фраерские бараки, заставляя отдавать деньги — в зависимости от совести «рэкетиоров» или половину, или все. Если не отдают добровольно, то все отнимается насильно с побоями — ломом, кайлом, лопатой.

На эти заработки охотников и без блатарей много. Часто бригады с хорошей продовольственной карточкой, бригады, которые лучше питаются, предупреждены бригадиром, что денег получать рабочие не будут, что деньги пойдут десятнику или нормировщику. А если не соглас-

ны, то и карточки будут плохие, тем самым арестанты обрекаются на голдную смерть.

Поборы «начальничков» — нормировщиков, бригадиров, смотрителей — повсеместное явление.

Грабежи, совершаемые блатарями, встречаются всюду. «Рэкет» узаконен и никого не удивляет.

В 1938 году, когда между начальством и блатарями существовал почти официальный «конкордат», когда воры были объявлены «друзьями народа», высокое начальство искало в блатарях орудие борьбы с «троцкистами», с «врагами народа». Проводились даже «политзанятия» с блатарями в КВЧ, где работники культуры разъясняли блатарям симпатии и надежды властей и просили у них помощи в деле уничтожения «троцкистов».

— Эти люди присланы сюда для уничтожения, а ваша задача — помочь нам в этом деле, — вот подлинное слова инспектора КВЧ прииска «Партизан» Шарова, сказанные им на таких «занятиях» зимой в начале 1938 года.

Блатари ответили полным согласием. Еще бы! Это спасало им жизнь, делало их «полезными» членами общества.

В лице «троцкистов» они встретили глубоко ненавидимую ими «интеллигенцию». Кроме того, в глазах блатарей это были «начальнички», попавшие в беду, начальники, которых ждала кровавая расплата.

Блатари при полном одобрении начальства приступили к избиениям «фашистов» — другой клички не было для пятидесяти восьмой статьи в 1938 году.

Люди покрупнее, вроде Эшбы, бывшего секретаря Северо-Кавказского крайкома партии, были арестованы и расстреляны на знаменитой «Серпантинке», а остальных добивали блатари, конвой, голод и холод. Велико участие блатарей в «ликвидации троцкистов» в 1938 году.

«Бывают же случаи, — скажут мне, — когда вор, если ему оказать поблажку, держит свое слово и — незримо — обеспечивает «порядок» в лагере».

— Мне выгоднее, — говорит начальник, чтоб 5—6 воров не работало вовсе или работало, где хотело, — зато остальное лагерное население, не обижаемое ворами, будет работать хорошо. Тем более, что конвоя — не хватает. Воры обещают не красть и следить за тем, чтобы все остальные заключенные работали. Правда, в части выполнения норм этими остальными гарантий воры не дают, но это уж дело десятое.

Случаи такой договоренности между ворами и местным начальством не так уж редки.

* Культурно-воспитательная часть

Начальник не стремится к точному выполнению правил лагерного режима, он облегчает свою задачу, и облегчает значительно. Такой начальник не понимает, что он уже пойман ворами «на крючок», что он уже «на крючке» у воров. Он уже отступил от закона, делая поблажку ворами из расчета ложного и преступного — потому что «фраерское» население лагеря обрекается начальником во власть воров. Из этого «фраерского» населения у начальника найдут защиту только «бытовики», осужденные по служебным и бытовым преступлениям, т. е. казнокрады, убийцы и взяточники. Осужденные же по пятьдесят восьмой статье защиты не найдут.

Эта первая поблажка ворами легко приводит начальников в более тесное общение с «преступным миром». Начальник берет взятку — «борзыми щенками» или деньгами — тут дело решается опытностью дающего, жадностью получающего. Воры — мастера давать взятку. Тем легче, щедрее это делается, что вручаемое — приобретено кражей, грабежом.

Дается тысячный костюм (блатари и носят, и хранят очень хорошие «вольные» вещи именно для взятки в нужных случаях), обувь какая-нибудь замечательная, золотые часы, значительная сумма денег...

Не берет начальник, «смажут» его жену, приложат всю энергию для того, чтобы «начальничек» только взял раз и два. Это — подарки. У «начальничка» ничего не попросят взамен. Ему будут давать и благодарить. Попросят позже, когда «начальничек» будет опутан воровскими сетями покрепче и будет бояться разоблачения перед высшим начальством. Такое разоблачение — угроза веская и легко осуществимая.

Честное же слово вора в том, что никто ничего не узнает, — это ведь клятва вора «фраеру».

Кроме всего прочего, обещание не воровать — это обещание не воровать заметно, не грабить — и только. Не будет же начальник отпускать воров в воровские экспедиции (хотя и такие случаи бывали). Воровать воры будут все равно, ибо это их жизнь, их закон. Они могут пообещать начальнику не воровать у себя на прииске, не обкрадывать лагерную обслугу, не обкрадывать лагерные ларьки, охрану, но все это — лживо. Найдутся старшие, которые охотно разрешат своим товарищам от такого рода «присяги».

Если дано обещание не воровать — это значит, что рэкет будет сопровождаться более грозным запугиванием, вплоть до угроз убийством.

В тех лагерных отделениях заключенные живут хуже всего, бесправней всего, голоднее всего, меньше зарабатывают и хуже едят, где воры командуют нарядчиками, поварами, надзирателями и самими начальниками.

Примеру начальников следовал и лагерный конвой.

Не один год конвой, сопровождающий заключенных на работу, «отвечал» за выполнение плана. Эта ответственность была не вполне настоящей и деловой, а вроде ответственности профсоюзников. Однако, подчиняясь воинскому приказу, конвоиры требовали от заключенных работы. «Давай, давай» — стал привычным возгласом не только в устах бригадиров, смотрителей и десятников, но и конвоиров. Конвоиры, для которых это было лишней нагрузкой, кроме чисто охранных дел, не очень одобрительно встретили новые неоплачиваемые свои обязанности. Но приказ есть приказ, и в ход чаще пошел приклад, выбивая «проценты» из заключенных.

Вскоре — хочу думать, что эмпирически — конвой нашел выход из положения, несколько затрудненного настойчивыми «производственными» приказами конвойного начальства.

Конвоиры выводили партию (в которой всегда были смешаны «политики» с ворами) на работу и сдавали эту работу на откуп ворами. Воры охотно разыгрывали роль добровольных бригадиров. Они избивали заключенных (с благословения и при поддержке конвоя), заставляя полуживых от голода стариков выполнять тяжелую работу в золотых забоях, палками выбивая из них «план», в который включалась и та часть задания, которая падала на самих воров.

Десятники в такие детали никогда не вмешивались, добиваясь лишь увеличения общей выработки любым путем.

Десятники почти всегда были подкуплены ворами. Это делалось в форме прямой взятки, вещевой или денежной, без всякой «предварительной обработки». Десятник сам ждал взятки. Это был его постоянный и значительный дополнительный доход.

Иногда обработка десятника велась с помощью «игры на кубики», т. е. игры в карты на кубометры выполненной работы.

Бригадир-вор садился играть с десятником и против выставленных «тряпок» — костюмов, свитеров, рубашек, брюк, — требовал оплаты «кубиками» — кубометрами земли. При выигрыше, а выигрыш был почти всегда — за исключением тех случаев, когда требовалась «изящная» взятка, сделавшая бы честь какому-нибудь французскому маркизу за карточным столом Людовика XIV.

Проигранные кубометры грунта, породы оплачивались настоящими нарядами, и бригада блатарей, не работая, получала высокие заработки. Десятник пограмотней пытался свести баланс, обсчитывая бригады «троцкистов».

«Приписка-продажа кубометров» была бедствием на прииске. Маркшейдерские замеры устанавливали истину и обнаруживали виновных... Таких десятников-жуликов только понижали в должности или переводили в другое место. И вслед за ними оставались трупы голодных людей, из которых пытались «выбить» проигранные десятником «кубики».

Растрепанный дух блатарей пронизывал всю колымскую жизнь.

Без отчетливого понимания сущности преступного мира нельзя понять лагеря. Блатари дают лицо местам заключения, тон всей жизни в них — начиная от самых высоких начальников и кончая полуголодными работягами золотого забоя.

Идеальный блатарь, «настоящий вор», блатной Каскарилья не грабит «частных лиц». Такова одна из «творимых легенд» блатного мира... Вор грабит только казенное — каптерку, кассу, магазин, в худшем случае «вольные» квартиры, а «забирать» последнее у арестанта, у заключенного — «хороший вор» не станет. Дескать, кража белья, насильственные «сменки» хорошей одежды и обуви на плохую, кражи рукавиц, полушубков, шарфов (из казенного) и свитеров, пиджаков, брюк (из «вольного») совершается «шпаной», «съявками», «кусочниками», крохоборами...

— Если бы у нас тут были настоящие воры,— вздыхает обыватель,— они не допустили бы грабежей, чинимых уголовной мелкотой.

Бедный «фраер» верит в Каскарилью. Он не хочет понять, что мелкоту посылают на кражи белья люди покрупнее, что добытые «лепеха» и «шкары» появляются у «авторитетных» воров не потому, что эти воры посильнее воруют брюки и пиджаки.

Фраер не знает, что чаще всего «лазят» те воришки, которым положено набить руку в своей специальности, что делить награбленное будут вовсе не они. При операции посложнее и взрослые примут участие в грабеже — путем ли уговора: «отдай, дескать, зачем тебе надо?», — или пресловутой «сменки», когда на фраера насильно напяливается ветошь, вещь, давно уже ставшая символом вещи, т. е. годящаяся на «сдачу» при отчете. Оттого-то через день-два после выдачи нового обмундирования в лагере лучшим бригадам оказывается, что новые полушубки, бушлаты, шапки — у воров, хотя и не выдавались им. Иногда при «сменке» дают закурить или кусок хлеба — это если блатарь «порядочный» и не злой по натуре, или боится, что его жертва «забазлает», т. е. поднимет крик.

Отказ от «сменки» или «подарка» влечет за собой побои, а при упрямстве фраера и удар ножом. Но в большинстве случаев до ножа дело не доходит.

Эти «сменки» совсем не шутка в условиях многочасовой работы на пятидесятиградусном морозе, недосыпа, голода и цинги. Отдать валенки, полученные из дому, значит поморозить ноги. В дырявых матерчатых бурках, которые предлагают в «сменку», долго не поработаешь на морозе.

В 1938 году поздней осенью получил я посылку из дома — мои старые авиационные бурки на пробковой подошве. Я побоялся вынести их с почты — здание окружала толпа блатарей, прыгавшая в белой полу-

тме вечера, ожидая жертв. Я продал бурки тут же десятнику Бойко за сто рублей — по колымским ценам бурки стоили тысячи две. Я бы мог добраться в бурках до барака — их украли бы в первую же ночь, стащили бы с ног. Воров привели бы в барак мои же соседи за папиросу, за корку хлеба, они «навели» бы грабителей немедленно. Такими «наводчиками» был полон весь лагерь. А сто рублей, вырученные за бурки, — это сто килограммов хлеба, деньги сохранить гораздо легче, привязав их к телу и при покупках не выдавая себя.

Вот и ходят блатари в валенках, подвернутых по блатной моде, «чтоб не забивался снег», «достают» полушубки, и шарфы, и шапки-ушанки, да не просто ушанки, а стильные, блатарские, «форменные» кубаночки.

У крестьянского парня, у рабочего парня, у интеллигента голова идет кругом от неожиданностей. Парень видит, что воры и убийцы живут в лагере лучше всех, пользуются и относительной материальной обеспеченностью, и отличаются определенной твердостью взглядов, и завидным разудалым, бесстрашным поведением.

С ворами считается начальство. Блатари — хозяева жизни и смерти в лагере. Они всегда сыты, умеют «достать», когда все остальные — голодны. Вор не работает, пьянствует даже в лагере, а крестьянский парень вынужден «пахать». Воры его и заставляют «пахать» — так они ловко приспособились. У воров всегда табачок, лагерный парикмахер приходит стричь их «под бокс» на «дом», в барак, захватив лучший свой инструмент. Повар приносит им ежедневно из кухни украденные консервы и сладости. Для воров помельче с кухни отпускаются лучшие и вдесятеро увеличенные порции. Хлеборез им никогда не откажет в хлебе. Вся «вольная» одежда — на плечах блатарей. На лучшем месте нар — у света, у печки — располагаются блатари. У них есть и ватные подстилки и ватные одеяла, а он — молодой колхозник — спит на разрубленных вдоль бревнах. Крестьянский парень начинает думать, что блатари и есть носители лагерной правды, что они — единственная сила, и материальная, и моральная, в лагере, кроме начальства, которое предпочитает в огромном большинстве случаев не ссориться с блатарями.

Молодой крестьянский парень начинает услуживать блатарям, подражать им в ругательствах, в поведении, мечтает оказать им помощь, озариться их огнем.

Недалек час, когда он по указанию блатарей сделает первую кражу в общий «котел» — и новый «порчок» готов.

Яд блатного мира невероятно страшен. Отравленность этим ядом — растление всего человеческого в человеке. Этим зловонным дыханием дышат все, кто соприкасается с этим миром. Какие тут нужны противогазы?

Я знал кандидата наук, вольнонаемного врача, рекомендовавшего своему коллеге особую внимательность по отношению к «больному»: «Ведь это — крупный вор!» Можно было подумать, что пациент по крайней мере отправил ракету на Луну, — таков был тон этой рекомендации. Он, этот врач, даже не ощущал всей оскорбительности для себя, для собственной личности подобного суждения.

Воры быстро нащупали «слабину» у Ивана Александровича (так звали кандидата наук). В отделении, которым он заведовал, всегда лежали на отдыхе совершенно здоровые люди («Профессор — отец родной» — смеялись воры).

Иван Александрович вел фальшивые истории болезни, не жалея ночного отдыха и труда, сочинял ежедневные записи, заказывал анализы и обследования...

Как-то мне довелось прочесть письмо, адресованное ему группой воров — с пересылки, где они просили положить в больницу своих соратников, нуждающихся, по их мнению, в отдыхе. И перечисленные в списке блатари постепенно были положены в больницу.

Иван Александрович не боялся блатарей. Он был старым колымчанином, видал виды, угрозами бы блатари ничего не добились. Но дружеское похлопывание по плечу, блатарские комплименты, которые Иван Александрович принимал за чистую монету, его слава среди блатного мира, слава, в сущности которой он не разбирался и не хотел разбираться, — вот что приобщило его к блатному миру. Иван Александрович, как и многие другие, был загипнотизирован всевластием блатарей, и его воля стала их волей.

Неизмерим, необозрим тот вред, который принесло обществу многолетнее цацканье с ворами, вреднейшим элементом общества, не перестающим отравлять своим зловонным дыханием нашу молодежь.

Возникшая из чисто умозрительных посылок теория «перековки» привела к десяткам и сотням тысяч лишних смертей в местах заключения, к многолетнему кошмару, который создали в лагерях люди, недостойные названия человека.

Блатной язык меняется время от времени. Смена словаря-шифра — не процесс совершенствования, а средство самосохранения. Блатному миру известно, что уголовный розыск изучает их язык. Человек, во-

шедший в «кодло» и вздумавший изъясняться «блатной бузыкой» двадцатых годов, когда говорили «на стрёме», «на цинку», вызовет подозрение у блатарей в тридцатых годах, привыкших к выражениям «на вассере» и т. д.

Мы плохо и неверно разбираемся в разнице между ворами и хулиганами. Слов нет, обе эти социальные группы — антиобщественны, обе враждебны обществу. Но взвесить истинную опасность каждой группы, оценить ее по достоинству мы способны крайне редко. Бесспорно, что мы больше боимся хулигана, чем вора. В быту мы общаемся с ворами очень редко, всякий раз эти встречи происходят либо в отделении милиции, либо в уголовном розыске, где мы выступаем в роли потерпевших или свидетелей. Гораздо грознее хулиган — пьяное страшилище, «чубаровец», возникающий на бульваре, или в клубе, или в коридоре коммунальной квартиры. Традиционность русского молодечества — пьянки в «храмовые» праздники, пьяные драки, приставания к женщинам, грязная ругань — все это хорошо нам известно и кажется нам гораздо страшнее того таинственного воровского мира, о котором мы имеем — по вине художественной литературы — крайне смутное понятие. Подлинную цену хулиганов и воров знают только работники уголовного розыска; но из примера творчества Льва Шейнина можно видеть, что знание не всегда используется правильным образом.

Мы не знаем, что такое вор, что такое уркаган, что такое блатарь, вор-рецидивист. Укравшего белье с веревки на даче и напившегося тут же в станционном буфете мы считаем видным «скокарем».

Мы не догадываемся, что человек может воровать, не будучи «вором», членом «преступного мира». Мы не понимаем, что человек может убивать и воровать и не быть блатарем. Конечно, блатарь ворует. Он этим живет. Но не всякий вор — блатарь, и понять эту разницу категорически необходимо. «Преступный мир» существует рядом с чужими кражами, рядом с хулиганством.

Правда, для «потерпевшего» все равно, кто украл у него из квартиры серебряные ложки или костюм новаринского пламени с дымом — вор-блатарь, вор-профессионал, но не блатарь, или квартирный сосед, никогда кражами не занимавшийся. Пусть, дескать, в этом разбирается уголовный розыск.

Хулиганов мы боимся больше, чем воров. Ясно, что никакие «народные дружины» не справятся с ворами, о которых мы, к сожалению, имеем вовсе превратное понятие. Подчас думают, что где-то в глубоком подполье, под чужими именами скрываются и живут таинственные блатари. Они грабят только магазины и кассы. Белья с веревки эти Каскарилы не унесут, этим «благородным жуликам» обыватель рад даже по-

мочь: он иногда прячет их от милиции — то ли из романтических побуждений, то ли «за боюсь» — из страха, что чаще.

Хулиган страшнее. Хулиган ежедневен, общедоступен, близок. Он страшен. Спасения от него и ищем мы в милиции и в народных дружинах.

Между тем хулиган, всякий хулиган стоит еще на грани человеческого. Вор-блатарь стоит вне человеческой морали.

Любой убийца, любой хулиган — ничто по сравнению с вором. Вор тоже убийца и хулиган плюс еще нечто такое, чему почти нет имени на человеческом языке.

Работники мест заключения или уголовного розыска не очень любят делиться своими важными воспоминаниями. У нас есть тысячи дешевых детективов, романов. У нас нет ни одной серьезной и добросовестной книги о преступном мире, написанной работником, чьей обязанностью была борьба с этим миром.

Это ведь постоянная социальная группа, которую правильной было бы назвать антисоциальной. Она вносит отраву в жизнь наших детей, она борется с нашим обществом и одерживает подчас успехи потому, что к ней относятся с доверием и наивностью, а она борется с обществом совсем другим оружием — оружием подлости, лжи, коварства, обмана — и живет, обманывая одного «начальника» за другим. Чем выше по чину начальник, тем легче его обмануть.

Сами блатары относятся к хулиганам резко отрицательно. «Да это не вор, это — просто хулиган», «это хулиганский поступок, недостойный вора» — такие фразы передаваемой фонетики в ходу среди «преступного мира». Эти примеры воровского ханжества встречаются на каждом шагу. Блатарь хочет отделить себя от хулиганов, стремится поставить себя гораздо выше и настойчиво требует, чтобы обыватели различали воров и хулиганов.

В этом направлении ведется и воспитание молодого блатаря. Вор не должен быть хулиганом, образ «вора-джентльмена» — это и свидетельство прослушанных «романов», и официальный символ веры блатарей. Есть в этом образе «вора-джентльмена» и некая тоска души блатаря по недостижимому идеалу. Поэтому-то «изящество», «светскость» манер в большой цене среди воровского подполья. Именно оттуда в блатарский лексикон попали и закрепились там слова: «преступный мир», «врацался», «он с ним кушает» — все это звучит и не высокопарно, не иронически. Это — термины определенного значения, ходовые выражения языка.

В воровских «сурах» говорится, что вор не должен быть хулиганом.

«Скромно одетый, с букетом в петлице,
В сером английском пальто,

Ровно в семь тридцать покинул столицу,
Даже не глянул в окно».

Это — классический идеал, классический портрет медвежатника-блатаря, «вора-джентльмена» Каскарильи из кинофильма «Процесс о трех миллионах».

Хулиганство — это слишком невинное, слишком целомудренное дело для вора. Вор развлекается по-другому. Убить кого-нибудь, распороть ему брюхо, выпустить кишки и кишками этими удушить другую жертву — вот это по-воровски, и такие случаи были. Бригадиров в лагерях убивали немало, но перепилить шею живого человека поперечной двуручной пилой — на такую мрачную изобретательность мог быть способен только блатарский, не человеческий мозг.

Самое мерзкое хулиганство выглядит по сравнению с рядовым развлечением блатаря невинной детской шуткой.

Блатари могут гулять, и пить, и хулиганить где-нибудь в своем «коде», в «шалмане» — гулять без дебоша, показывая пределы своей удалости только своим же товарищам и благоговеющим неофитам, чье приобщение к воровскому ордену — вопрос дней.

Хулиганство, случайное воровство — это периферия блатного мира, это та пограничная область, где общество встречается со своим антиподом.

Вербовка молодых или новых воров редко идет из хулиганской среды. Разве что хулиган бросает свои дебоши и, запятнанный тюрьмой, переходит в ряды блатного мира, где он большой роли в идеологии, в формировании законов этого мира никогда играть не будет.

Кадровые воры — это потомственные воры или те, кто с мальчиков прошел весь курс уголовной науки, бегал за водкой, за папиросами для старших, стоял на «страже» или на «вассере», лазал в форточку, чтоб отпереть дверь грабителям, укрепляя свой дух в тюрьме, потом уже пошел на «дело» самостоятельно.

Блатной мир враждебен власти, и притом всякой власти. Это блатари, «мыслящие» блатари понимают хорошо. Героическое время «староротских» и «каторжанчиков» отнюдь не представляется им овечьим славой. «Староротский» — это кличка арестанта из царских арестантских рот. «Каторжанчик» — это тот, кто был на царской каторге — на Сахалине, на колесухе. На Колыме принято называть центральные губернии «материком», хотя Чукотка ведь не остров, а полуостров. Этот «материк» вошел и в литературу, и в газетный язык, и в деловую официальную переписку. Это слово-образ рождено тоже в блатном мире — морское сообщение, пароходная линия Владивосток — Магадан, высадка на пустынных скалах была очень похожей на сахалинские картины прошлого.

Так укрепилось название «материк» за Владивостоком, хотя островом Колыму никто никогда не называл.

Блатной мир — мир настоящего, реального настоящего. «Ворье» пресвосходно понимает, что какой-нибудь легендарный Горбачевский попавший в песню:

«Гром прогремел,
Что Горбачевский погорел»,

не больший герой, чем Ванька-Чибис с соседнего прииска.

Никакая «заграница» не прельщает умудренных опытом блатарей, те воры, которые побывали там в войну, не хвалят «заграницу», особенно Германию — из-за чрезвычайных строгостей наказания за кражи и убийства. Немного легче дышать ворью во Франции, но и там «перековочные теории» не имеют успеха, и ворам приходится туго. Относительно благоприятными блатарям кажутся наши условия, где так много далеко идущего доверия и неистребимых многократных «перековок».

К числу «творимых легенд» блатного мира относится и похвальба блатарей — утверждение, что «хороший урка» избегает тюрьмы, проклинает ее. Что тюрьма лишь печальная неизбежность профессии вора. Это — тоже кокетство, рисовка. Это — лживо, как все, что исходит из уст блатного.

Скокарь Юзик (т. е. поляк) Загорский, жеманясь и ломаясь, хвастливо говорил, что провел в тюрьме лишь восемь лет из двадцати воровского стажа. Юзик уверял, что не пил и не гулял после удачной добычи. Он, видите ли, посещал оперу, куда имел абонемент, и только тогда, когда деньги кончались, вновь брался за кражи. Все, как в песне:

«Там, на концерте, в саду познакомился
С чудом земной красоты.
— Деньги, как снег, очень быстро растаяли,
Надо вернуться назад,
Надо опять с головой окунуться
В хмурые и злой Ленинград».

Но любитель оперного пения не мог припомнить ни одного названия оперы из тех, что он с таким увлечением слушал.

Юзик взял ноту явно не из той оперы — разговор этот не продолжался. Свои оперные «вкусы» Юзик почерпнул, конечно, из «романов», слышанных им многократно в тюремные вечера.

Да и насчет тюрьмы Юзик прихвастнул — повторил чью-то чужую фразу, какого-нибудь блатаря покрупнее.

Блатари говорят, что испытывают в момент кражи волнение особого рода, ту вибрацию нервов, которая роднит акт кражи с творческим актом, с вдохновением, испытывают своеобразное психологическое состояние нервного волнения и подъема, которое ни с чем нельзя сравнить по своей заманчивости, полноте, глубине и силе.

Говорят, что ворующий «живет» в этот момент неизмеримо более полной жизнью, чем картежник за зеленым столом, или, вернее, подушкой — традиционным «ломберным столиком» блатного мира.

— Лезешь в лепёху, — рассказывает один карманник, — а сердце стучит, стучит... тысячу раз умрешь и воскреснешь, пока вытащишь этот проклятый бумажник, в котором и денег-то, может быть, два рубля.

Бывают кражи вовсе безопасные, но «творческое» волнение, воровское «вдохновенье» все равно налицо. Ощущение риска, азарта, жизни.

Вору вовсе нет дела до того человека, которого вор обкрадывает. В лагере вор ворует подчас вовсе ненужные тряпки только для того, чтоб украсть, чтоб лишний раз испытать «высокую болезнь» кражи. «Зараженный» — говорят про таких блатари. Но деятелей «чистого искусства» кражи в лагере немного. Большинство предпочитает грабеж, а не кражу, наглый и откровенный грабеж, вырывая у жертвы на глазах всех пиджак, шарф, сахар, масло, табак — все, что можно съесть, и все, что может служить валютой в карточной игре.

Железнодорожный вор рассказывал о том особом волнении, с каким он вскрывает украденный «угол» (чемодан). «Замков мы не открываем, — говорил он, — крышкой о камень — и «угол» вскрыт».

Это воровское «вдохновение» очень далеко от человеческой смелости. Смелость — не то слово. Наглость самой чистой воды, наглость беспредельная, которую могут остановить только выставленные жесткие барьеры.

Никакой психологической нагрузки в виде душевных переживаний деятельность вора не имеет.

Карты занимают очень большое место в жизни блатаря.

Не все блатные играют в карты запоем, как «больные», проигрывая в сражении последние брюки. Проиграться так — не считается позором.

Однако уметь играть в карты все блатари. Еще бы. Умение играть в карты входит в «рыцарский кодекс человека» блатного мира. Не много азартных карточных игр, коими обязан владеть каждый блатарь и которым он учится с детства. Воровская молодежь тренируется постоянно — и в изготовлении карт, и в умении поставить «транспорт» с кушем.

Между прочим, это карточное выражение, обозначающее увеличение ставки (с «кушем»), Чехов в своем «Острове Сахалине» записал как «транспорт скушан» (!) и выдал это за термин карточной игры среди уго-

ловников. Так по всем изданиям «Острова Сахалина», включая и академические, кочует эта ошибка. Писатель недослышал весьма обыкновенную формулу карточной игры.

Блатной мир — косный мир. Сила традиций в нем очень сильна. Поэтому в этом мире удержались игры, которые давно исчезли из обыкновенной жизни. Статский советник Штосс из гоголевского «Портрета» в блатном мире до сих пор — реальность. Игра столетней давности «штосс» получила другое, лексически более подвижное название «стос». У Каверина в одном из рассказов беспризорники поют известный романс, меняя его по своему понятию и вкусу:

«Черную розу, блему печали...»

В «стос» должен уметь играть каждый блатарь, загибать углы, как Германн или Чекалинский.

Второй игрой — первой по распространенности — является «бура» — так называется блатарями «тридцать одно». Схожая с «очком», бура осталась игрой блатного мира. В «очко» воры не играют между собой.

Третья, самая сложная, игра с записью — это «терц» — вариация игры «пятьсот одно». В эту игру играют мастера, вообще «старшие», аристократия блатного мира, те, что пограмотней.

Все карточные игры блатарей отличаются необыкновенно большим количеством правил. Эти правила нужно хорошо помнить, и тот, который лучше помнит их, — выигрывает.

Карточная игра — всегда поединок. Блатари не играют компанией, они играют всегда один на один, разделенные традиционной подушкой.

Проигрался один — садится другой против победителя, и пока есть чем «отвечать» — карточное сражение продолжается.

По правилам, неписаным правилам, выигравший не имеет права прекратить игру, пока есть «ответ» — штаны, свитер, пиджак. Обычно определяется по согласию сторон цена «играемой» вещи — и вещь разыгрывается, как денежная ставка. Все расчеты надо держать в памяти и уметь себя защитить — не дать обсчитать, обмануть.

Обман в картах — доблесть. Противник должен заметить обман, разоблачить и тем самым выиграть «роббер».

Все блатные игроки — шулера, но это так и должно быть — уметь разоблачить, поймать, доказать... С тем и садятся за игру, обманывая один другого, «исполняя» шулерские приемы, под взаимным контролем.

Карточное сражение, если оно идет в безопасном месте, — это нескончаемый поток взаимных оскорблений, матерных ругательств; под эту взаимную ругань идет игра. Старики блатари говорят, что в дни их молодости, в двадцатые годы, воры не ругали друг друга так грязно и похабно, как сейчас за карточной игрой. Седые «паханы» качают голо-

вами и шепчут: «О времена! О нравы!» Повадки блатарей портятся год от году.

Карты изготавливаются в тюрьме, в лагере с быстротой сказочной — опыт многих поколений воров отработал механизм изготовления; самым рациональным и доступным способом изготавливаются карты в тюрьме. Для этого нужен клейстер — т. е. хлеб, «пайка», которая всегда есть под рукой и которую можно изжевать для получения клейстера очень быстро. Нужна бумага — для этого годится и газета, и оберточная бумага, и брошюра, и книга любого содержания. Нужен нож, — но в какой тюремной камере, в каком лагерном «этапе» не найдется ножа?

Самое главное — нужен химический карандаш для краски, и вот почему блатные так бережно хранят грифель химического карандаша, убеждая его от всяких обысков. Этот обломок химического карандаша служит двойную службу. Осколки карандаша можно, очутясь в критическом положении, затолкать себе в глаза — и это заставляет фельдшера или врача направить заболевшего в больницу. Бывает, что больница — единственный выход из трудного, угрожающего положения, в котором оказался блатарь. Беда, если медицинская помощь запоздает. Немало блатарей ослепло от этой смелой операции. Но немало блатарей избежало опасности и спаслось в больнице. Это — запасная роль химического карандаша.

Молодые «начальнички» думают, что химический карандаш нужен для изготовления печатей, штампов, документов. Применение такого рода чрезвычайно редко, и уж, конечно, если будут изготавливать документы, то им понадобится не только химический карандаш.

Главное же, для чего приобретаются и хранятся химические карандаши блатными, за что ценятся гораздо выше простых карандашей, — это использование их для окраски карт, для «печатания карт».

Сначала изготавливается «трафаретка». Это — не блатное слово, но на тюремном языке в большом ходу. На «трафаретке» вырезается узор масти — блатные карты не знают красного и черного, «руж» и «нуар». Все масти одного цвета. У валета — двойной узор — ведь в валете два очка по международной конвенции. У дамы — три соединенных вместе узора. У короля — четыре. Туз — соединение нескольких узоров в центре карты. Семерки, восьмерки, девятки, десятки изготавливаются в обычной их конфигурации — как и на выпусках Государственной карточной монополии.

Нажеванный хлеб протирается через тряпку, и превосходным клейстером склеиваются вдвое листы тонкой бумаги, потом просушиваются и разрезаются острым ножом на нужное количество карт. Химический карандаш закладывается в тряпочку, размачивается — и печатная машина готова. «Трафаретка» накладывается на карту и смазывается фиолетовой краской, оставляя нужный узор на лицевой стороне карты.

Если бумага толста, как в изданиях «Академии», то просто режут ее на части и «печатают» карты.

На изготовление колоды карт (вместе с просушкой) нужно часа два.

Таков наиболее рациональный способ изготовления игральных карт, способ, подсказанный вековым опытом. Рецепт пригоден при всех условиях и общедоступен.

При всех обысках, а также из посылок химические карандаши отбираются охраной самым заботливым образом. На сей счет есть строгий приказ.

Говорят, что воры проигрывают друг другу вольнонаемных девушек в карты — нечто похожее было в «Аристократах» Погодина. Думается, что это одна из «творимых легенд». Мне никогда не доводилось видеть сцен из лермонтовской «Казначейши».

Говорят, проигрывают пальто, когда оно еще на плечах фраера. И такого характера проигрышей мне встречать не приходилось, хотя ничего невероятного в этом нет. Думается все же, что тут был проигрыш «на представку» и нужно было отнять, украсть пальто или что-либо равноценное к сроку.

Бывает в игре такой момент, когда при переменном счастье фортуна склоняется на одну сторону к концу вторых или третьих суток игры. Проиграно все, и игра кончается. Горы свитеров, брюк, шарфов, подушек высятся за спиной выигравшего. А проигравший умоляет: «Дай отыграться, дай еще карту, дай в долг, я завтра «представлю». И если сердце победителя великодушно, он соглашается, и игра продолжается, где партнер победителя отвечает «представкой». Он может выиграть, счастье может измениться, он может отыграть вещь за вещью все и воскреснуть, и сам оказаться победителем... Но может и проиграть.

«На представку» играют один раз, и условленная сумма не меняется, и срок представления долга не откладывается.

Если вещь или деньги не будут представлены в срок, побежденный будет объявлен «заигранным», и ему одна дорога — или самоубийство, или побег из камеры, из лагеря, побег к черту на рога — он должен в срок заплатить карточный долг, долг чести!

Вот тут-то и являются чужие пальто, еще теплые теплом фраерского тела. Что делать! Воровская честь, а вернее, воровская жизнь дороже, чем какое-то пальто «фраера».

О низменнейших же потребностях, их качестве и размахе мы уже говорили. Эти потребности своеобразны и очень далеки от всего человеческого.

Существует еще одна точка зрения поведения блатарей. Дескать, это психически больные люди и тем самым вроде как невменяемы.

Слов нет, блатари сплошь и рядом истерики и неврастеники. Пресловутый «дух» блатаря, способность «психануть» говорит за расшатанность нервной системы. Блатари-сангвиники, флегматики чрезвычайно редки, хотя и встречаются. Знаменитый карманник Карлов по кличке «Подрядчик» (в тридцатых годах о нем писала «Правда», когда его изловили на Казанском вокзале) был полный, розовощекий, пузатый, жизнерадостный мужчина. Но это — исключение.

Есть ученые-медики, считающие всякое убийство — психозом.

Если блатари — психические больные, то их надо держать вечно в сумасшедшем доме.

Нам же кажется, что уголовный мир — это особый мир людей, переставших быть людьми.

Мир этот существовал всегда, существует он и сейчас, растлевая и отравляя своим дыханием нашу молодежь.

Вся воровская психология построена на том давнишнем, вековом наблюдении блатарей, что их жертва никогда не сделает, не может подумать сделать так, как с легким сердцем и спокойной душой ежедневно, ежечасно рад сделать вор. В этом его сила — в беспредельной наглости, в отсутствии всякой морали. Для блатаря нет ничего «слишком». Если вор по своему «закону» и не считает за честь и доблесть писать доносы на фраера, то он отнюдь не прочь в целях своей выгоды составить и дать начальству политическую характеристику на любого своего соседа — фраера. В 1938 году и позднее до 1953 года известны буквально тысячи визитов воров к лагерному начальству с заявлениями, что они, истинные друзья народа, должны донести на «фашистов» и «контрреволюционеров». Такая деятельность носила массовый характер — предметом постоянной особой ненависти воров в лагере всегда была интеллигенция из заключенных — «Иваны Ивановичи».

Карманники составляли когда-то наиболее квалифицированную часть воровского мира. Мастера «чердачных» краж проходили даже нечто вроде обучения, овладевали техникой своего ремесла, гордились своей узкой специальностью. Они предпринимали длительные «поездки», где с начала до конца «гастролей» они оставались верными своему уменью, не сбиваясь на всякие «скоки» или фармазонство. Небольшое наказание за карманную кражу, удобная добыча — чистые деньги — вот два обстоятельства, привлекавшие воров к карманным кражам. Уменье держаться в любом «обществе», чтобы не выдать себя, тоже было одним из важных достоинств мастера карманных краж.

Увы, валютная политика свела «заработки» карманников к доходу мизерному по сравнению с риском, с ответственностью. «Доходней и прелестней» оказался вульгарный «скок» за бельем, развешанным на веревке, — это было подороже, чем содержимое любого бумажника, изловленного в автобусе или трамвае. Тысяч в кармане не найдешь, а любая «лепёха» при скидке на краденое окажется подороже денег, которые можно отыскать в большинстве бумажников.

Карманники переменили специальность и влились в ряды «домушников».

* * *

И все же «жульническая кровь» не синоним «голубой крови». «Жульническая кровь», капля «жульнической крови» может быть и у «фраера», если он разделяет кое-какие блатные убеждения, помогает «людям», относится с сочувствием к воровскому закону.

Капля «жульнической крови» может быть даже у следователя, понимающего душу блатного мира и втайне сочувствующего этому миру. Даже (и не так редко) у лагерного начальника, делающего важные послабления блатным не за взятки и не под угрозой. Капля «жульнической крови» есть и у всех «сук» на свете — недаром же они были когда-то ворами. Кое в чем люди с каплей «жульнической крови» могут помочь вору, а это вор должен иметь в виду. «Жульническую кровь» имеют все «завязавшие», т. е. покончившие с блатным миром, переставшие воровать, вернувшиеся к честному труду. Есть и такие, это не «суки», и ненависти к себе «завязавшие» вовсе не вызывают. При случае в трудную минуту они могут даже оказать помощь — скажется «жульническая кровь».

Наводчики, продавцы краденого, хозяева воровских притонов — наверняка люди с «жульнической кровью».

Все «фраера», так или иначе оказавшие помощь вору, имеют, как говорят блатари, эту каплю «жульнической крови».

Это блатная подлая снисходительная похвала всем сочувствующим воровскому закону, всем, кого вор обманывает и с которым расплачивается этой дешевой лестью.

«СУЧЬЯ» ВОЙНА

Дежурного врача вызвали в приемный покой. На свежeweымытых, чуть синеватых, выскобленных ножом досках пола корчилося загорелое татуированное тело — раздетый санитарам догола раненый человек.

Кровь пачкала пол, и дежурный врач злорадно усмехнулся — отчистить будет трудно; врач радовался всему плохому, что приходилось встретить и видеть. Над раненым склонились два человека в белых халатах: фельдшер приемного покоя, держащий лоток с перевязочным материалом, и лейтенант из спецчасти с бумагой в руке.

Врач сразу понял, что у раненого нет документов, и лейтенант спецчасти хочет получить хоть какие-либо сведения о раненом.

Раны были еще свежи, некоторые кровоточили. Ран было много — больше десятка крошечных ран. Человека недавно били маленьким ножом или гвоздем, или чем-нибудь еще.

Врач вспомнил, как в прошлое его дежурство две недели назад была убита продавщица магазина, убита в своей комнате, задавлена подушкой. Убийца не успел уйти незаметно, поднялся шум, и убийца, обнажив кинжал, выскочил в морозный туман улицы. Пробегая мимо магазина, мимо очереди, убийца воткнул кинжал последнему в очереди в ягодицу — из хулиганства, из черт знает чего...

Но сейчас было что-то другое. Движения раненого становились менее порывистыми, щеки бледнели. Врач понимал, что тут дело в каком-то внутреннем кровотечении — ведь на животе тоже были маленькие, тревожные, не кровоточащие раны. Раны могли быть внутри, в кишечнике, в печени...

Но врач не решался вмешаться в священнодействие службы учета. Нужно было добыть во что бы то ни стало «установочные данные» — фамилию, имя, отчество, статью, срок — получить ответ на вопросы, которые задаются каждому заключенному десять раз на день — на поверках, разводах...

Раненый что-то отвечал, и лейтенант торопливо записывал сообщенное на клочке бумаги. Уже известны были и фамилия, и статья — пятьдесят восемь, пункт четырнадцать... Остался самый главный вопрос, ответа на который и ждали все — и лейтенант, и фельдшер приемного покоя и дежурный врач...

— Ты кто? Кто? — встав на колени около раненого, взволнованно зывал лейтенант.

— Кто?

И раненый понял вопрос. Веки его дрогнули, раздвинулись искушенные, запекшиеся губы, и раненый выдохнул протяжно:

— Су-у-ка...

И потерял сознание.

— Сука! — восхищенно крикнул лейтенант, вставая и отряхивая рукой колени.

— Сука! Сука! — радостно повторял фельдшер.

— В седьмую его, в седьмую хирургическую! — засуетился врач. Можно было приступить к перевязке. Седьмая палата была «сучья».

Много лет после того, как кончилась война, в уголовном мире, на дне человеческого моря еще не отшумели подводные кровавые волны. Волны эти были следствием войны — удивительным, непредвиденным следствием. Никто — ни седовласые уголовные юристы, ни ветераны тюремной администрации, ни многоопытные лагерные начальники не могли предвидеть, что война разделит уголовный мир на две враждебные друг другу группы.

Во время войны сидевшие в тюрьмах преступники, в том числе и многочисленные воры — рецидивисты, «урки», были взяты в армию, направлены на фронт, в маршевые роты. Армия Рокоссовского приобрела известность и популярность именно наличием в ней уголовного элемента. Из уркаганов выходили лихие разведчики, смелые партизаны. Природная склонность к риску, решительность и наглость делали из них ценных солдат. На мародерство, на стремление пограбить смотрели сквозь пальцы. Правда, окончательный штурм Берлина не был доверен этим частям. Армия Рокоссовского была нацелена в другое место, а в Тиргартен двинулись кадровые части маршала Конева — полки наиболее чистой пролетарской крови.

Писатель Вершигора в «Людах с чистой совестью» уверяет нас, что знает Платона Вороньку, бывшего уркача, из коего вышел добрый партизан (как в книжках Макаренко).

Словом, уголовники из тюрем уходили на фронт, воевали там — кто хорошо, кто худо... Настал день Победы, герои-уркачи демобилизовались и вернулись к мирным занятиям.

Вскоре советские суды послевоенного времени встретились на своих заседаниях со старыми знакомыми. Оказалось — и это-то предвидеть было нетрудно, — что рецидивисты, «уркаганы», воры, «люди», «преступный мир» и не думают прекращать дела, которое до войны давало им средства к существованию, творческое волнение, минуты подлинного вдохновения, а также положение в обществе.

Бандиты вернулись к убийствам, «медвежатники» — к взломам негосударственных шкафов, карманники — к исследованиям чердаков на «лепёхах», «скокари» — к квартирным кражам.

Война скорее укрепила в них наглость, бесчеловечность, чем научила чему-либо доброму. На убийство они стали смотреть еще легче, еще проще, чем до войны.

Государство пыталось организовать борьбу с возрастающей преступностью. Явились Указы 1947 года «Об охране социалистической собственности» и «Об охране личного имущества граждан». По этим Указам не-

значительная кража, за которую вор расплачивался несколькими месяцами заключения, теперь каралась 20 годами.

Воров, бывших участников Отечественной войны, стали десятками тысяч грузить на пароходы и поезда и под строжайшим конвоем отправлять в многочисленные трудовые лагеря, деятельность которых ни на минуту не замирала во время войны. ЛагереЙ к тому времени было очень много. Севлаг, Севвостлаг, Севзаплаг, в каждой области, на каждой большой и маленькой стройке были лагерные отделения. Наряду с карликовыми управлениями, едва превышавшими тысячу человек, были и лагеря-гиганты с населением в годы их расцвета по несколько сот тысяч человек: Бамлаг, Тайшетлаг, Длитлаг, Темники, Караганда...

Лагеря стали быстро наполняться уголовщиной. С особым вниманием комплектовались два больших отдаленных лагеря — Колыма и Воркута. Суровая природа КраЙнего Севера, вечная мерзлота, восьми-девятимесячная зима в сочетании с целеустремленным режимом создавали удобные условия для ликвидации уголовщины. Опыт, произведенный Сталиным над «троцкистами» в 1938 году, увенчался полным успехом и был всем хорошо памятен.

На Колыму и в Воркуту стали приходить эшелон за эшелоном осужденных по Указам 47 года. Хотя в трудовом отношении «блатные» были малоценным материалом и вряд ли были особенно пригодны для колонизации края, зато бежать с КраЙнего Севера было почти невозможно. Стало быть, задача изоляции разрешалась надежно. Кстати, эти географические особенности КраЙнего Севера были на Колыме причиной появления особой категории беглецов (красочный блатной термин — «ушедшие во льды»), которые никуда, по сути дела, не «бежали», а прятались около «трассы» автомобильной дороги в две тысячи километров длиной, грабя проезжающие машины. В главную вину этим беглецам ставились не побег сам по себе и не разбой на большой дороге. Юристы видели в побеге уклонение от работы и трактовали эти побегИ как контрреволюционный саботаж, как отказ от работы — главное лагерное преступление. Соединенными усилиями юристов и мыслителей из лагерной администрации уголовный рецидив наконец был кое-как втиснут в рамки самой страшной пятидесят восьмой статьи.

Каков катехизис вора? Вор, член «преступного мира» — это определение «преступный мир» принадлежит самим ворам, — должен воровать, обманывать «фраеров», пить, гулять, играть в карты, не работать, участвовать в «правилах», т. е. «судах чести». Тюрьма для вора хоть и не родной дом, не какие-нибудь «хаза», или «малина», или «шалман», но место, где вор вынужден проводить большую часть своей жизни. Из этого следует важный вывод, что в тюрьме блатные должны обеспечить себе — силой, хитростью, наглостью, обманом — неофициальные, но важные права, вроде права на дележ чужих передач или чужих вещей, вро-

де права на лучшее место, на лучшую пищу и т. д. Практически это достигается всегда, если в камере есть несколько воров. Именно они-то и приобретают все, что можно приобрести в тюрьме. Эти «традиции» позволяют вору жить лучше других в тюрьме и лагере.

Небольшой срок заключения, частые амнистии давали ворами возможность без особенных забот провести время заключения, не работая. Работали, и то время от времени, только специалисты — слесари, механики. Ни один вор не работал на «черной» работе. Лучше он просидит в карцере, в лагерном «изоляторе»...

Указ 47 года с его двадцатилетним сроком за незначительные преступления по-новому поставил перед ворами проблему «занятости». Если вор мог надеяться, не работая, перебиться правдами и неправдами несколько месяцев или год-два, как раньше, то теперь надо было фактически всю жизнь проводить в заключении или полжизни по крайней мере. А жизнь вора — короткая. «Паханов»-стариков среди «урок» мало. Воры долго не живут. Смертность среди воров значительно выше средней смертности страны.

Указ 47 года поставил перед «преступным миром» серьезные проблемы, и лучшие блатные умы напряженно искали надежного решения вопроса.

По воровскому закону вор не должен в заключении занимать какие-либо административные лагерные должности, выполнение которых вверяется заключенным. Ни нарядчиком, ни старостой, ни десятником вор не имеет права быть. Этим он как бы вступает в ряды тех, с кем вор всю жизнь находится во вражде. Вор, занявший такую административную должность, перестает быть вором и объявляется «сукой», «ссучившимся», объявляется вне закона, и любой блатной сочтет честью для себя зарезать при удобном случае такого ренегата.

Щепетливость преступного мира в этом вопросе очень велика, правоверные толкования некоторых сложных дел напоминают тонкую и извитую логику талмуда.

Пример: вор идет мимо вахты. Дежурный надзиратель кричит ему: эй, ударь, пожалуйста, в рельс, позвони, мимо идешь... Если вор ударит в рельс — сигнал побудок и поверок, он уже нарушил закон, «подсучился».

«Правилки» или «суды чести», где «качают права», и заняты главным образом рассмотрением дел и провинностей, связанных именно с изменой своему знамени и «юридическим» толкованием того или иного подозрительного поступка. Виновен или невиновен? Утвердительный ответ «судов чести» влечет обычно — и почти немедленно — кровавую рас-

праву. Убивают, конечно, не судьи, убивает воровская молодежь. Главари всегда считали, что такие «акты» полезны для молодого вора, он приобретает опыт, закаляется...

На пароходах и поездах, в Магадан и в Усть-Цильму стали прибывать осужденные после войны воры. «Военщина» — такое они получили название впоследствии. Все они участвовали в войне и не были бы осуждены, если бы не совершили новых преступлений. Огромное же, подавляющее большинство воров вернулось к своей профессии. Строго говоря, они и не отдалялись от нее — мародерство на фронте стоит довольно близко к основному занятию нашей социальной группы. Среди блатарей-«вояк» были и награжденные орденами. Блатные — инвалиды войны нашли себе новый и очень большой доход — нищенство в пригородных поездах.

Среди «военщины» было много крупных «уроков», выдающихся деятелей этого подземного мира. Сейчас они возвращались после нескольких лет войны-свободы в привычные места, в дома с зарешетчатыми окнами, в лагерные «зоны», опутанные десятью рядами колючей проволоки, возвращались в привычные места с непривычными мыслями и явной тревогой. Кое-что было уже обсуждено долгими пересыльными ночами, и все были согласны на том, что дальше жить по-старому нельзя, что в воровском мире назрели вопросы, требующие немедленного обсуждения в самых «высших сферах». Главари «военщины» хотели встретиться со старыми товарищами, которых только случай, как они считали, уберег от участия в войне, с товарищами, которые все это военное время просидели в тюрьмах и лагерях. Главари «военщины» рисовали себе картины радостных встреч со старыми товарищами, сцен безудержного бахвальства «гостей» и «хозяев» и, наконец, помощи в решении тех серьезнейших вопросов, которые жизнь поставила перед уголовщиной.

Их надеждам не суждено было сбыться. Старый «преступный мир» не принял их в свои ряды, и на «правилки» «военщина» не была допущена. Оказалось, что вопросы, тревожившие приезжих, давно уже обдуманы и обсуждены в старом «преступном мире». Решение же было вынесено совсем не такое, как думали «вояки».

— Ты был на войне?

— Ты взял в руки винтовку?

— Значит, ты — сука, самая настоящая сука и подлежишь наказанию по «закону». К тому же ты — трус! У тебя не хватило силы воли отказаться от маршевой роты — «взять срок» или даже умереть, но не брать винтовку!

Вот как отвечали приезжим «философы» и «идеологи» блатного мира. Чистота блатных убеждений, говорили они, дороже всего. И ничего менять не надо. Вор, если он «человек», а не «сявка», должен уметь прожить при любом Указе — на то он и вор.

Напрасно «вояки» ссылались на прошлые заслуги и требовали допустить их к «судам чести», как равноправных и авторитетных судей. Старые уркаганы, перенесшие и восьмушку хлеба во время войны в тюремной камере и кое-что другое, были непреклонны.

Но ведь среди вернувшихся было много важных персон уголовного мира. Там было достаточно и «философов», и «идеологов», и «вождей». Вытесненные из родной среды столь бесцеремонно и решительно, они не могли примириться с тем положением париев, на которое обрекали их правоверные «урки». Напрасно указывали предводители «военщины», что случайность, особенность их положения в тот момент, когда им было сделано предложение пойти на фронт, исключала отрицательный ответ. Конечно, никаких патриотических настроений у уголовщины никогда не существовало. Армия, фронт были предложением выйти на волю, а там — что бог даст. На какой-то момент интересы государства и личные слились, и именно за это они и держали сейчас ответ перед своими бывшими товарищами. К тому же война отвечала как-то таким чувствам блатаря, как любовь к опасности, к риску. О «перековке», об отколе от «преступного мира» они и не думали — ни раньше, ни теперь. Ущемленные самолюбия авторитетов, переставших быть авторитетами, сознание напрасности своего шага, который объявлен изменой товарищам, память о трудных дорогах войны — все это обостряло отношения, накаляло «подземную» атмосферу до крайности. Были среди воров и такие, которые пошли на войну из слабости духовной — им угрожали расстрелом, да и расстреляли бы в то время. Более слабые последовали за главарями, за авторитетами — жизнь всегда жизнь, люди.

Крупные блатари, «вожди» «военщины» были озадачены, но не смущены. Что ж, если старый «закон» их не принимает, они объявят новый. И новый воровской закон был объявлен — в 1948 году на пересылке в бухте Ванино. Поселок и порт Ванино были отстроены во время войны, когда взорвался порт бухты Находка.

Первые шаги этого нового закона связаны с полуполюгендарным именем блатаря по кличке «Король», человека, о котором много лет спустя знавшие его и ненавидевшие воры «в законе» говорили с уважением — «Ну, как-никак, душок у него был...»

Дух, душок — это своеобразное воровское понятие. Это и смелость, и напористость, и крикливость, и своеобразная удаль, и стойкость наряды с некоторой истеричностью, театральностью...

Новый Моисей обладал этими качествами в полной мере.

По новому закону блатным разрешалось работать в лагере и тюрьме старостами, нарядчиками, десятниками, бригадирами, занимать еще целый ряд многочисленных лагерных должностей.

Король договорился с начальником пересылки о страшном: он обещал навести полный порядок на пересылке, обещав «своими силами»

справиться с «законными» ворами. Если в крайнем случае прольется кровь — он просит не обращать большого внимания.

Король напомнил о своих военных заслугах (он был награжден орденом на войне) и дал понять, что начальство стоит перед минутой, когда правильное решение может привести к исчезновению уголовного мира, преступности в нашем обществе. Он, Король, берет на себя выполнение этой трудной задачи и просит ему не мешать.

Думается, что начальник Ванинской пересылки немедленно поставил в известность самое высокое начальство и получил одобрение операции Короля. В лагерях ничего не случается по произволу местного начальства. К тому же, по правилам, все шпионят друг за другом.

Король обещает исправиться! Новый воровской закон! Чего же лучше? Это — то, о чем мечтал Макаренко, исполнение самых заветных желаний теоретиков. Наконец-то блатные «перековались»! Наконец-то пришло долгожданное практическое подтверждение многолетним теоретическим упражнениям на сей счет, начиная с крыленковской «резинки» и кончая теорией возмездия Вышинского.

Приученная видеть в «уркачах», «тридцатипятниках» «друзей народа», администрация лагерей мало следила за подспудными процессами, проходившими в «преступном мире». Никакой тревожной информации оттуда не поступало — лагерное начальство имело сеть доносчиков и осведомителей совсем в других местах. До настроений, до вопросов, волновавших «преступный мир», никому не было дела.

Мир этот давно уже должен был исправляться — и наконец этот час наступил. Доказательство сему, говорило начальство, новый воровской закон Короля. Это результат благотворного действия войны, пробудившей даже в уголовниках чувство патриотизма. Мы же читали Вершигору, мы слышали о победах армии Рокоссовского.

Начальники-ветераны, посевшие на лагерной службе, хоть и не верили, что «может быть доброе из Назарета», считали про себя, что от раскола, от вражды двух воровских групп между собой может быть только добро и выгода для остальных, обыкновенных людей. Минус, помноженный на минус, дает плюс — напоминали они. Попробуем.

Король получил согласие на свой «опыт». В один из коротких северных дней все население пересылки Ванино было выстроено на линейке строем по два.

Начальник пересылки рекомендовал заключенным нового старосту. Этим старостой был Король. Командирами рот были назначены его ближайшие подручные.

Новая лагерная обслуга не стала терять даром времени. Король ходил вдоль рядов заключенных, пристально вглядываясь в каждого, и бросал:

— Выходи!

— Ты!

— Ты!

— И ты! — палец Короля двигался, часто останавливаясь и всегда безошибочно. Воровская жизнь приучила его к наблюдательности. Если Король сомневался, проверить было очень легко, и все — и блатаря, и сам Король — отлично это знали.

— Раздевайся! Снимай рубаху!

Татуировка — «наколка» — опознавательный знак «ордена» сыграла свою губительную роль. Татуировка — ошибка молодости уркаганов. Вечные рисунки облегчают работу уголовному розыску. Но их смертное значение открылось только сейчас.

Началась расправа. Ногами, дубинками, кастетами, камнями банда Короля «на законном основании» крошила адептов старого воровского закона.

— Примете нашу веру? — кричал торжествующе Король. Вот он проверит теперь крепость духа самых упорных ортодоксов, обвинявших его самого в слабости. — Примете нашу веру?

Для перехода в новый воровской закон был изобретен обряд, театральное действие. Блатной мир любит театральность в жизни, и знай Н. Н. Евреинов или Пиранделло это обстоятельство — они не преминули бы обогатить аргументами свои сценические теории.

Новый обряд ничуть не уступал известному посвящению в рыцари. Не исключено, что романы Вальтера Скотта подсказали эту торжественную и мрачную процедуру.

— Целуй нож!

К губам избиваемого блатаря подносилось лезвие ножа.

— Целуй нож!

Если «законный» вор соглашался и прикладывал губы к железу, он считался принятым в новую веру и навсегда терял всякие права в воровском мире, становясь «сукой» навеки.

Эта мысль Короля была поистине королевской мыслью. Не только потому, что посвящение в блатные рыцари обещало многочисленные резервы армии «сук», — вряд ли, вводя этот ножевой обряд, Король думал о завтрашнем и послезавтрашнем дне. Но о другом он подумал наверняка! Он поставит всех своих старых довоенных друзей в те же самые условия — жизнь или смерть! — в которых он, Король, струсил, по мнению воровских «ортодоксов». Пусть теперь они сами покажут себя! Условия — те же.

Всех, кто отказывался целовать нож, — убивали. Каждую ночь к зампертам снаружи дверям пересыльных барakov подтаскивали новые трупы. Эти люди не были просто убиты. Этого было слишком мало Королю. На всех трупах «расписывались» ножами все их бывшие товарищи, поцеловавшие нож. Блатарей не убивали просто. Перед смертью их

«трюмили», т. е. топтали ногами, били, всячески уродовали... И только потом — убивали. Когда через год или два пришел этап с Воркуты и несколько видных воркутинских «сук» (там разыгралась та же история) сошли с парохода, выяснилось, что воркутинцы не одобряют излишней жестокости колымчан. «У нас просто убивают, а «трюмить»? Зачем это». Стало быть, воркутинские дела несколько отличались от дел королевской банды.

Вести о королевской расправе в бухте Ванино полетели через море, и на колымской земле вору старого закона приступили к самозащите. Была объявлена тотальная мобилизация, весь блатной мир вооружался. Над изготовлением ножей и коротких пик-штыков тайком трудились все кузницы и слесарные мастерские Колымы. Ковали, конечно, не блатные, а настоящие штатные мастера под угрозой «За ради страха» — как говорили блатные. Они знали гораздо раньше Гитлера, что напугать человека гораздо надежней, чем подкупить. И, само собой, дешевле. Любой слесарь, любой кузнец согласился бы, чтоб у него упал процент выполнения плана, но была сохранена жизнь.

Тем временем энергичный Король убедил начальство в необходимости «гастрольной» поездки по пересылкам Дальнего Востока. Вместе с семьей своими подручными он объехал пересылки до Иркутска, оставая в тюрьмах десятки трупов и сотни новообращенных «сук».

«Суки» вечно не могли жить в бухте Ванино. Ванино — транзитка, пересылка. «Суки» двинулись за море — на золотые прииски. Война была перенесена в большое пространство. Вору убивали «сук», «суки» — воров. Цифра «архива № 3» (умершие) подскочила вверх, чуть не достигая рекордных высот пресловутого 1938 года, когда «троцкистов» расстреливали целыми бригадами сразу.

Начальство бросилось к телефонам, вызывая Москву.

Выяснилось, что в заманчивой формуле «новый воровской закон» главное значение имеет слово «воровской» и ни о каких «перековках» не идет и речи. Начальство было еще раз одурачено — жестоким и умным Королем.

С начала тридцатых годов, ловко пользуясь распространением идей «трудового перевоспитания», блатные спасают свои кадры, легко давая миллионы честных слов, пользуясь спектаклем «Аристократы» и твердым указанием начальства о необходимости оказывать «доверие» уголовному рецидиву. Идеи Макаренко и пресловутая «перековка» и дали возможность блатарям под прикрытием этих идей спасти свои кадры и их укрепить. Утверждалось, что в отношении бедняжек-уголовников должны применяться только исправительные, а не карательные санкции. На деле это выглядело странной заботливостью о сохранении уголовщины. Любой практик-лагерный работник знал — и знал всегда, — что ни о какой «перековке» и перевоспитании уголовного рецидива не может

быть и речи, что это — вредный миф. Что обмануть «фраера», начальство — это доблесть вора; что можно давать тысячу клятв «фраеру», миллион честных слов, лишь бы он поддался на удочку. Недальновидные драматурги типа Шейнина или Погодина продолжали к вящей пользе блатного мира проповедовать необходимость «доверия» к блатарям. Если один Костя-капитан перевоспитался, то десять тысяч блатных вышли из тюрем раньше времени и совершили двадцать тысяч убийств и сорок тысяч ограблений. Вот цена, которую заплатили за «Аристократов» и «Дневник следователя». Шейнин и Погодин были слишком несведущими людьми в столь важном вопросе. Вместо того чтобы развенчать уголовщину, они романтизировали ее.

В 1938 году блатные были открыто призваны в лагерях для физической расправы с «троцкистами»; блатные убивали и избивали беспомощных стариков, голодных «доходяг»... Смертной казнью каралась даже «контрреволюционная агитация», но преступления блатных были под защитой начальства.

Никаких признаков «перековки» ни в блатных, ни в «сучьем» мире не обнаруживалось. Только сотни трупов ежедневно собирались в лагерные морги. Выходило так, что начальство, помещая вместе блатных и «сук», сознательно подвергает тех или других смертельной опасности.

Распоряжения о «невмешательстве» были вскоре отменены и повсюду созданы отдельные, особые зоны — для «сук» и для воров «в законе». Поспешно и все же поздно Король и его единомышленники были сняты со всех лагерных административных должностей и превратились в простых смертных. Выражение «простой смертный» неожиданно приобрело особый, зловещий смысл: «Суки» не были бессмертными. Оказалось, что создание особых зон на территории одного лагеря не приносит никакой пользы. Кровь лилась по-прежнему. Пришлось закрепить за ворами и «суками» отдельные прииски (где, конечно, наряды с уголовщиной работали и представители других статей кодекса). Создавались экспедиции — налеты вооруженных «сук» или воров на «вражеские» зоны. Пришлось сделать еще один организационный шаг — целые приисковые управления, объединяющие несколько приисков, закрепить за ворами и «суками». Так, все Западное Управление с его больницами, тюрьмами, лагерями досталось «сукам», а в Северном Управлении сосредоточивали воров.

На пересылках каждый блатной должен был сообщить начальству, кто он — вор или сука, и в зависимости от ответа он подключался в этап, направляемый туда, где блатарю не грозила смерть.

Название «суки», хоть и неточно отражающее существо дела и терминологически неверное, привилось сразу. Как ни пытались вожди нового закона протестовать против обидной клички, удачного, подходящего слова не нашлось, и под этим названием они вошли в официальную

переписку и очень скоро и сами они стали себя называть «суками». Для ясности. Для простоты. Лингвистический спор мог немедленно привести к трагедии.

Время шло, а кровавая война на уничтожение не утихала. Чем может это кончиться? Чем? — гадали лагерные мудрецы. И отвечали: убийством главарей с той и другой стороны. Уже сам Король был взорван на каком-то отдаленном приiske. (Его сон в углу барака охранялся вооруженными друзьями. Блатари подвели под угол барака заряд аммонала, достаточный, чтобы угловые нары взлетели в небо.) Уже большинство «вояк» лежало в братских лагерных могилах с деревянной биркой на левой ноге, нетленными в вечной мерзлоте. Уже самые видные воры — Полтора Ивана Бабаланов и Полтора Ивана Грек умерли, не поцеловав сучьего ножа. Но другие, не менее видные — Чибис, Мишка-одесит — поцеловали нож и убивали теперь блатных во славу сучью.

На втором году этой «братоубийственной» войны обозначилось некое новое важное обстоятельство.

Как? Разве обряд целования ножа меняет блатную душу? Или пресловутая «жульническая кровь» изменила свой химический состав в жилах уркагана оттого, что губы его прикоснулись к железному лезвию?

Вовсе не все, целовавшие нож, одобряли новые сучьи скрижали. Многие, очень многие в душе оставались приверженцами старых законов — ведь они сами осуждали «сук». Часть этих слабых духом блатарей попробовала при удобном случае вернуться в «закон». Но королевская мысль Короля еще раз показала свою глубину и силу. Воры «законные» грозили новообращенным «сукам» смертью и не хотели отличать их от кадровых «сук». Тогда как несколько старых воров, поцеловавших сучье железо, воров, которым стыд не давал покоя и кормил их злобу, сделали еще один удивительный ход.

Объявлен был третий воровской закон. На этот раз для разработки «идейной» платформы у блатных третьего закона не хватило теоретических сил. Они не руководились ничем, кроме злобы, и не выдвигали никаких лозунгов, кроме лозунга мести и кровавой вражды к «сукам» и к ворам — в равной мере. Они приступили к физическому уничтожению тех и других.

В эту группу поначалу вошло так неожиданно много уркаганов, что начальству пришлось и для них выделить отдельный прииск. Ряд новых убийств, вовсе не предвиденных начальством, привел в большое смущение умы лагерных работников.

Блатари третьей группы получили выразительное название «беспредельщины». «Беспредельщину» зовут также «махновцами» — афоризм Нестора Махно времен гражданской войны о своем отношении к крас-

ным и белым хорошо известен в блатном мире. Стали рождаться новые и новые группы, принимавшие самые различные названия, например, «Красные шапочки». Лагерное начальство сбилось с ног, обеспечивая всем этим группам отдельные помещения.

В дальнейшем выяснилось, что «беспредельщины» не так много, воры действуют всегда в компании — одинокий блатарь невозможен. Публичность кутежей, «правил» в воровском подполье нужна и большим, и малым вора. Нужно принадлежать к какому-то миру, искать и находить там помощь, дружбу, совместное дело.

«Беспредельщина», по существу, трагична. В «сучьей» войне она имела немного сторонников и была ярким явлением психологического порядка, вызывая к себе интерес именно с этой стороны. «Беспредельщина» пришлось испытать и много особых унижений.

Дело в том, что по приказу охраняемые конвоем камеры пересылок были двух видов: для воров «в законе» и воров-«сух». «Беспредельщикам» же приходилось выпрашивать у начальства место, долго объяснять, ютиться где-нибудь в уголках, среди «фраеров», которые относились к ним без всякой симпатии. Почти всегда «беспредельщики» были одиночными «путешественниками». Вору-«беспредельщику» приходилось обращаться с просьбой к начальству — воры и «сухи» требовали «своего». Так, один из таких «беспредельщиков» после выписки из больницы трое суток (до отправки) провел под караульной вышкой — там было всего безопасней — в лагере же его могли убить, и он отказался войти в «зону».

Первый год казалось, что перевес будет за «суками». Энергичные действия их главарей, воровские трупы на всех пересылках, разрешение направлять «сук» на те прииски, куда раньше направлять их не рисковали, — все это были признаки «сучьего» преимущества в «войне». Вербовка «сук» путем обряда целования ножа приобрела широкую известность. Магаданская пересылка была прочно занята «суками». Кончалась зима, и блатные «в законе» жадно ждали начала навигации. Первый пароход должен был решить их судьбу. Что он привезет — жизнь или смерть?

С пароходом прибыли первые сотни правоверных блатарей с «материка». Среди них не было «сух»!

«Суки» Магаданской пересылки быстро этапировались в «свое» Западное Управление. Получив подкрепление, воры снова ожили, и кровавая борьба вспыхнула с новой силой. В дальнейшем из года в год воровские кадры пополнялись приезжими, завезенными с материка ворами. «Сучьи» же кадры размножались известным способом целования ножа.

Будущее по-прежнему было неопределенным. В 1951 году Иван Чайка — один из самых «авторитетных» представителей воровского закона того времени и тех мест — назначен был в этап после месячного лечения в центральной больнице для заключенных. Чайка был вовсе не бо-

лен. Начальнику санчасти прииска, где Чайка был «прописан», пригрозили расправой, если он не отправит Чайку в больницу на отдых, и обещали дать два костюма, если он Чайку отправит. Начальник санчасти отправил Чайку. Больничные анализы не содержали ничего угрожающего здоровью Чайки, но с заведующим терапевтическим отделением уже успели поговорить. Чайка лежал в больнице целый месяц и согласился выписаться. Но при отправке с больничной пересылки вызванный по списку «нарядчиком» Чайка спросил: куда идет этап? Нарядчик захотел подшутить над Чайкой и назвал один из приисков Западного Управления, куда «законных» воров не отправляли. Через десять минут Чайка сказался больным и попросил вызвать начальника пересылки. Пришли начальник и врач. Чайка положил ладонь левой руки на стол, растопырив пальцы, и ножом, который был у него в другой руке, несколько раз ударил по собственной кисти. Всякий раз нож проходил до дерева, и Чайка резким рывком выдергивал его обратно. Все это было делом минуты-двух. Чайка объяснил испуганному начальству, что он — вор и знает свои права. Он должен ехать в воровское, Северное Управление. На Запад же, на смерть он не поедет, лучше потеряет руку. Начальник, изрядно перетрусивший, едва разобрался в этой истории, — ведь Чайку отправляли именно туда, куда он хотел. Так по милости нарядчика месячный отдых Чайки в больнице был немного испорчен. Если бы он не спросил нарядчика о месте назначения этапа — все обошлось бы благополучно.

Центральная больница для заключенных на тысячу с лишним коек, гордость Колымской медицины, была расположена на территории Северного Управления. Естественно, что воры считали ее своей районной больницей, а отнюдь не центральной. Руководство больницы долгое время пыталось встать «над схваткой» и делало вид, что лечит больных из всех Управлений. Это было не вполне так, ибо воры считали Северное Управление своей цитаделью и настаивали на своих особых правах на всей его территории. Воры добивались, чтобы «сук» не лечили в этой больнице, где были условия лечения много лучше, чем где-либо, а главное — Центральная больница имела право «активировки» инвалидов для вывоза на «материк». «Добивались» они этого не заявлениями, не жалобами, не просьбами, а ножами. Несколько убийств на глазах у начальника больницы — и тот присмирел и понял, где его настоящее место в столь тонких вопросах. Недолго пыталась больница удержаться на чисто врачебных позициях. Когда больному его сосед втыкает ночью нож в живот, это действует весьма убедительно, как бы ни заявляло начальство о том, что ему нет дела до «гражданской войны» среди уголовного мира. Упорство руководства больницы вначале и заверения в безопасно-

сти обманули некоторых «сук». Они соглашались на лечение, предлагавшееся им на местах (на местах любой врач соглашался «оформить» медицинские документы, лишь бы прииск избавился хоть на время от уголовщины); конвой привозил их в больницу, но не дальше приемного покоя. Здесь, разузнав обстановку, они требовали немедленной отправки обратно. В большинстве случаев их увозил тот же конвой. Был случай, когда начальник конвоя, получив отказ в приеме, подбросил в канаву около больницы связку «личных дел» и, оставив больных, пытался на своей машине вместе с конвоирами скрыться. Машина с конвоем уже успела сделать километров сорок, когда ее нагнали на другой машине бойцы и офицеры охраны больницы с винтовками и револьверами со взведенными курками. «Беглецов» под конвоем вернули к больнице, вручили им людей и «дела» и распрощались с ними.

Единственный раз четыре «суки» — крупных уркагана — отважились на ночевку в стенах больницы. Они забаррикадировали дверь отведенной им отдельной больничной палаты и дежурили у дверей по очереди с обнаженными ножами. Наутро они отправлены были обратно. Это был единственный случай, когда оружие было открыто внесено в больницу, — начальство старалось не видеть ножей в руках у «сук».

Обычно же оружие отбиралось в приемном покое — это делалось очень просто: больных раздевали догола и выводили в следующее помещение для врачебного осмотра. После каждого этапа на полу и за спинками скамеек оставались брошенные пики и ножи. Разматывались даже бинты повязок, снимался гипс с переломов, ибо ножи прибинтовывались к телу, скрывались под повязками.

Чем дальше, тем реже приезжали суки в Центральную больницу — практически воры уже выиграли спор с начальством. Наивный начальник, начитавшийся Шейнина и Макаренко, втайне, а то и открыто восхищенный «романтическим» миром уголовщины («Вы знаете, это крупный вор» — это говорилось таким тоном, что можно было подумывать, что речь идет о каком-нибудь академике, открывшем тайну атомного ядра), возомнил себя знатоком блатных обычаев. Он слышал о «Красном кресте», о воровском отношении к врачам и сознание своего личного общения с ворами приятно щекотало его тщеславие.

Ему говорили, что «Красный крест», т. е. медицина, ее работники, и в первую очередь врачи, находятся на особом положении в глазах блатного мира. Они — неприкосновенны, «экстерриториальны» для воровских операций. Больше того, врачей в лагере уголовники охраняют от всех несчастий. На эту нехитрую, грубую лесть попало и попадает много людей. И каждый вор и каждый врач в лагере умеют рассказывать старую-престарую сказку о том, как обокраденному врачу воры вернули часы (чемодан, костюм, брегет), лишь только узнали, что обокраденный — врач. Это — вариация «Брегета Эррио». В ходу и история о голод-

ном враче, которого сытые воры кормили в тюрьме (из «передач», отобранных ворами у других жителей тюремной камеры). Существует несколько подобных классических сюжетов, которые, как шахматные дебюты, рассказываются по определенным правилам...

В чем тут правда, в чем тут дело? Дело тут в холодном, строгом и подлом расчете блатарей. А правда в том, что единственным защитником заключенного в лагере (и вора в том числе) является врач. Не начальник, не штатный КВЧ — культработник, а только врач оказывает повседневную и реальную помощь арестанту. Врач может положить в больницу. Врач может дать отдохнуть день-другой — это очень важное дело. Врач может отправить куда-либо в другое место или не отправит — при всяком таком передвижении требуется санкция врача. Врач может направить на легкую работу, снизить «трудовую категорию» — в этой важнейшей, жизненной области врач почти бесконтролен, и уж, во всяком случае, не местный начальник ему судья. Врач следит за питанием заключенных и, если не принимает сам участия в разбазаривании этого питания, то очень хорошо. Он может выписать паяк получше. Велики права и обязанности врача. И как бы ни был плох врач, все равно именно он — моральная сила в лагере. Иметь влияние на врача — это гораздо важнее, чем держать «на крючке» начальника или подкупать работника КВЧ. Врачей подкупают очень умело, запугивают осторожно, им, вероятно, возвращают и краденые вещи. Впрочем, живых примеров этому нет. Скорее на лагерных врачах — не исключая и вольнонаемных — можно видеть дареные ворами костюмы или хорошие «шкары». Блатной мир в хороших отношениях с врачом до тех пор, пока врач (или другой медработник) выполняет все требования этой наглой банды, требования, растущие по мере того, как врач все глубже запутывается в своих, казалось бы, невинных связях с блатарями. А ведь больные люди, измученные старики должны умирать на нарах, потому что их места в больнице занимают здоровые, отдыхающие блатари. И если врач отказывается выполнять требования уголовщины, с ним поступают вовсе не как с представителем «Красного креста». Молодой москвич, приисковый врач Суrowой отказался категорически выполнить требования блатных об отправке в Центральную больницу на отдых трех блатарей. На следующий вечер он был убит во время приема — 52 ножевые раны насчитал на его трупe патологоанатом. Пожилой врач-женщина Щицель на женском прииске отказалась дать освобождение от работы какой-то блатарке. На следующий день врачаха была зарублена топором. Собственная санитарка санчасти привела приговор в исполнение. Суrowой был молод, честен и горяч. Когда его убили, на его должность был назначен доктор Крапивницкий — опытный начальник санчастей штрафных приисков, вольнонаемный врач, выдавший виды.

Доктор Крапивницкий просто объявил, что лечить не будет, не будет и осматривать. Необходимые медикаменты будут выдаваться ежедневно через бойцов охраны. «Зона» наглухо запирается, и выпускать из нее будут только мертвых. Еще два с лишним года после назначения на этот прииск доктор Крапивницкий продолжал там находиться в полном здравии.

Закрытая «зона», окруженная пулеметами, отрезанная от всего остального мира, жила своей собственной страшной жизнью. Мрачная фантазия уголовников соорудила здесь среди бела дня форменные суды, с заседаниями, с обвинительными речами и свидетельскими показаниями. Посреди лагеря воры, сломав нары, воздвигли виселицу и на этой виселице повесили двоих «разоблаченных» «сук». Все это делалось не ночью, а белым днем, на глазах начальства.

Другая зона этого прииска считалась рабочей. Оттуда вору пониже чином ходили на работу. Прииск этот после размещения там уголовщины потерял, конечно, свое производственное значение. Влияние соседней, нерабочей зоны чувствовалось там всегда. Именно из «рабочих» барраков в больницу был приведен старик — «бытовичок», не уголовник. Он, как рассказывали приехавшие с ним блатари, «непочтительно разговаривал с Васечкой».

«Васечка» был молодой блатарь из потомственных воров; стало быть, из вожakov. Старик был вдвое старше этого «Васечки».

Обиженный тоном старика («еще огрызается»), Васечка велел достать кусок бикфордова шнура с капсюлем. Капсюль вложили в ладони старика, связали обе его кисти друг с другом — протестовать он не посмел — и подожгли шнур. У старика были оторваны обе кисти. Так дорого обошелся ему непочтительный разговор с «Васечкой».

«Сучья» война продолжалась. Само собой случалось то, чего некоторые умные и опытные начальники боялись больше всего. Поднаторев в кровавых расправах, — а смертной казни не было в те времена для лагерных убийц, — и «суки», и блатные стали применять ножи по любому поводу, вовсе не имеющему отношения к «сучьей» войне.

Показалось, что повар отдал супу мало или жидко — повару в бок запускается кинжал, и повар отдает богу душу.

Врач не освободил от работы — и врачу на шею заматывают полотенце и душат его...

Заведующий хирургическим отделением Центральной больницы укорил видного блатаря в том, что вору убивают врачей и забыли о «Красном кресте». Как, дескать, земля не расступится под их ногами? Блатарям чрезвычайно импонирует обращение к ним начальства по таким... «теоретическим вопросам». Блатарь отвесил, ломаясь и выворачивая слова с непередаваемым блатарским акцентом:

«Закон зизни, доктор. Разные бывают положения. В одном случае — так, а в другом — совершенно иначе. Зизнь меняется».

Наш блатарь был неплохим диалектиком. Это был обозленный блатарь. Случилось так, что, находясь в изоляторе и желая попасть в больницу, он засыпал себе глаза истертым в порошок чернильным карандашом. Выпустить-то его из изолятора выпустили, но квалифицированную врачебную помощь он получил слишком поздно — он ослеп навеки.

Но слепота не мешала ему участвовать в обсуждении всех вопросов блатной жизни, давать советы, выносить авторитетные и обязательные суждения. Как сэр Виллиамс из «Рокамболя», слепой блатарь по-прежнему жил полной преступной жизнью. В расследованиях по «сучьим» делам достаточно было его обвинительного вердикта.

* * *

Спокон веку в блатном мире «сукой» назывался изменник воровского делу, вор, предавшийся на сторону уголовного розыска. В «сучьей» войне дело шло о другом — о новом воровском законе. Все же за рыцарями нового ордена укрепилось оскорбительное название «сук».

У лагерного начальства (кроме первых месяцев этой «сучьей» войны) «суки» не пользовались любовью. Начальство предпочитало иметь дело с блатарями старого покроя, которые были понятней, проще.

«Сучья» война отвечала темной и сильной воровской потребности — сладострастного убийства, утолению жажды крови. «Сучья» война была слепком с событий, свидетелями которых блатари были ряд лет. Эпизоды настоящей войны отразились, как в кривом зеркале, в событиях уголовной жизни. Захватывающая дух реальность кровавых событий чрезвычайно увлекала вожаков. Даже простая карманная кража ценой в три месяца тюрьмы или квартирный «скок» совершаются при некоем «творческом подъеме». Им сопутствует ни с чем не сравнимое, как говорят блатари, духовное напряжение высшего порядка, благотворительная вибрация нервов, когда вор чувствует, что он — живет.

Во сколько же раз острее, садистически острее ощущение убийства, пролитой крови; то, что противник — такой же вор, еще усиливает остроту переживаний. Присущее блатному миру чувство театральности находит выход в этом огромном, многолетнем кровавом спектакле. Здесь все — настоящее и все — игра страшная, смертельная игра. Как у Гейне:

«Мясом будет точно мясо,
Кровью будет кровь людская».

Блатари играют, подражая политике и войне. Блатные вожак оккупировали города, высылали отряды разведки, перерезали коммуникации противника, осуждали и вешали изменников. Все было и реальностью, и игрой, кровавой игрой.

История уголовщины, насчитывающая много тысячелетий, знает много примеров кровавой борьбы бандитских шак между собой — за зоны грабежа, за господство в «преступном мире». Однако многие особенности «сучьей» войны делают ее событием, единственным в своем роде.

СОДЕРЖАНИЕ

Жульническая кровь	4
«Сучья» война	28

ШАЛАМОВ Варлам Тихонович

«СУЧЬЯ» ВОЙНА

Редактор М. М. Жигалова

Составление Н. М. Злотникова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 5.10.89. Подписано к печати 29.11.89.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,04.
Тираж 150 000 экз. Зак. № 1296. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Воспользуйтесь услугами Госстраха по страхованию к бракосочетанию и Вы по достоинству оцените предоставленную возможность создать определенные накопления без всякого риска для Вашего семейного бюджета.

● Договор страхования к бракосочетанию в пользу ребенка может быть заключен любым его родственником.

● Размер страховой суммы определяется по желанию страхователя, но не может быть меньше 300 рублей.

● Страховая сумма будет выплачена юноше или девушке при вступлении в зарегистрированный брак (в возрасте от 18 до 21 года) или достижении ими 21 года. Кроме того, в течение срока страхования, при наступлении неблагоприятных событий, связанных со здоровьем ребенка, будет выплачена определенная страховая сумма.

● Подробную информацию о проведении страхования к бракосочетанию можно получить в инспекции Госстраха или у страхового агента, обслуживающего Вас по месту работы.

Госстрах РСФСР